

Оксенов Я.

Сибирь до эпохи Ермака,

до свѣдѣній западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ.
(1245—1578)¹⁾.

Въ одномъ изъ очерковъ намъ приходилось говорить о тѣхъ слухахъ о Сибири, которые циркулировали среди русскихъ до эпохи завоеваній Ермака²⁾. По нашему изслѣдованію оказывалось, что русскіе до эпохи Ермака обладали очень немногими положительными свѣдѣніями о Зауральскомъ краѣ и болѣею частію довольствовались разными баснословными рассказами объ этомъ краѣ. Теперь интересно изслѣдовать, много ли знала Западная Европа о Сибири до эпохи Ермака чрезъ своихъ писателей и путешественниковъ. Для сравненія съ тѣми свѣдѣніями, какія у русскихъ были до эпохи Ермака о Сибири, мы въ настоящемъ очеркѣ приведемъ извѣстія о странахъ сѣверной Азіи и тамошнихъ обитателяхъ, извлекаемые изъ сочиненій нѣкоторыхъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ, жившихъ и писавшихъ до послѣдней четверти XVI столѣтія, т. е. до времени завоеванія русскими Сибирскаго царства. Изученіе означенныхъ извѣстій западно-европейскихъ авторовъ представляется интереснымъ еще и въ томъ отношеніи, что нѣкоторые изъ этихъ писателей, какъ, на примѣръ, Герберштейнъ и Ювій, получали свои свѣдѣнія изъ русскихъ источниковъ. Поэтому, изучая извѣстія такихъ авторовъ, можно также узнать, что самимъ русскимъ было извѣстно въ то же время о сѣверной Азіи.

Въ настоящемъ очеркѣ приводятся извѣстія о сѣверной Азіи слѣдующихъ западно-европейскихъ путешественниковъ и писателей: Плаво Карпини (путешествовалъ въ 1245 г.), Марко Поло (путешествовалъ съ 1254 или 1255 до 1295 г.), Шильтбергера (путешествовалъ съ 1394 по 1427 г.), Матвѣя Мѣховскаго (сочиненіе его появилось въ 1517 г.), Альберта Кампензе (сочиненіе его относится къ 1523 или 1524 г.), Павла Ювія (свѣдѣнія о Сибири получены имъ въ 1525 г.), Сигизмунда Герберштейна (былъ въ Московіи въ 1517

¹⁾ Извлечение изъ опыта изслѣдованія: «Сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака».

²⁾ Сибирскій Сборникъ, научно-литературное періодическое изданіе подъ редакціей Н. М. Ядринцева. Приложение къ «Восточному Обозрѣнію» 1886 г. Книга IV. Сиб. 1887. Стр. 103-116.

и 1526 г.), Рафаэля Барберини (путешествовалъ въ Московію въ 1565 г.) и Александра Гванини (сочиненіе его появилось въ 1578 г.). Мы ограничиваемся въ настоящемъ очеркѣ почти только однимъ извлеченіемъ свѣдѣній изъ сочиненій названныхъ писателей, дѣлая при этомъ комментарій только общаго характера. Подробный историко-географическій и этнографическій разборъ извѣстій западно-европейскихъ писателей о Сибири до эпохи Ермака не входитъ въ программу настоящаго очерка и можетъ составить задачу отдѣльнаго изслѣдованія. Считаемо нужнымъ также замѣтить, что, конечно, нашъ очеркъ не полонъ, и нѣкоторые писатели, можетъ быть, даже важные для нашего изслѣдованія, нами пропущены. Нѣтъ у насъ подъ руками всѣхъ пособій, чтобы сдѣлать очеркъ по возможности полнымъ. Приводимъ только тѣ извѣстія, какія удалось собрать, при ограниченныхъ ученыхъ пособіяхъ ³⁾.

I.

Джіованни де ПIANO-Карпини.

Джіованни де ПIANO-Карпини, путешествовавшій въ 1245 году въ татарамъ, въ качествѣ посла отъ папы Иннокентія IV, сообщаетъ въ описаніи своего путешествія свѣдѣнія объ обитателяхъ крайняго сѣвера Азіи. По представленію ПIANO-Карпини, народы на сѣверо-востокѣ Европы и сѣверо-западѣ Азіи слѣдовали по мѣстамъ, занимаемымъ ими, одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ: «Къ Команской землѣ (по нижнему теченію рѣки Волги и по сѣверо-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря) прилегаютъ съ сѣвера непосредственно послѣ страны русскихъ мордвины, билеры, или Великая Булгарія, бастарки, или Великая Венгрія. За бастарками живутъ пароситы и самогеты. За самогетами живутъ на пустынныхъ берегахъ океана тѣ, у коихъ, какъ говорятъ, лице собачье» ⁴⁾.

Въ этомъ извѣстіи бастарки означаютъ башкировъ, а въ пароситахъ и самогетахъ нужно видѣть обитателей сѣверо-западной Азіи. По мнѣнію нѣкоторыхъ, подѣ

³⁾ Къ сожалѣнію, намъ не привелось воспользоваться при нашей работѣ извѣстнымъ сочиненіемъ Аделунга: Историко-литературное обозрѣніе трудовъ западно-европейскихъ путешественниковъ до 1700 г., писавшихъ о Россіи.

⁴⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. ПIANO-Карпини. Спб. 1825. Переводъ Языковъ. Кн. I, гл. V, стр. 25.

пароситами слѣдуетъ разумѣть пермяковъ, но Лербергъ съ бѣльшимъ основаніемъ принимаетъ пароситовъ за народъ, принадлежавшій къ племени самоѣдовъ и жившій при рѣкахъ Пуръ и Тазъ. Въ русскихъ источникахъ встрѣчается названіе народа «пертасы», сходное съ названіемъ «пароситы» и, вѣроятно, образовавшееся изъ сложенія словъ «Пуръ» и «Тазъ»⁵⁾. Подъ самогетами путешественника Плато-Карпини слѣдуетъ разумѣть самоѣдовъ.

При описаніи похода татаръ въ Венгрію и обратно, Плато-Карпини сообщаетъ нѣкоторыя подробности о народахъ сѣверо-запада Азіи: о пароситахъ (пертасахъ), самогетахъ (самоѣдахъ) и о баснословномъ народѣ съ собачьими головами. «Возвращаясь изъ Венгріи, татары, по словамъ путешественника, пошли въ землю Мордованскую (Мордовскую), гдѣ жители идолопоклонники, и побѣдили ихъ. Оттуда прошли они далѣе на билеровъ, т. е. въ Великую Булгарію, в опустошили ее всю. Оттуда ихъ начальникъ пошелъ еще далѣе къ сѣверу на бастарковъ (баскартовъ, башкировъ), которыхъ татары также побѣдили. Выйдя оттуда, пошли они на сѣверъ и пришли къ пароситамъ, у которыхъ малый желудокъ и малый ротъ; они не ѣдятъ мяса, но, сваривъ его, становятся между дымомъ и горшкомъ, глотаютъ паръ и тѣмъ только подкрѣпляютъ свои силы. Если же что ѣдятъ, то очень мало. Оттуда, проходя далѣе, пришли татары къ самогедамъ (самогедамъ, самоѣдамъ), которые живутъ только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежду дѣлаютъ только изъ звѣринныхъ кожъ. Оттуда, идя далѣе, пришли они въ какую-то землю надъ океаномъ, гдѣ нашли какихъ-то чудовищъ, которыя во всемъ имѣли видъ человѣческой,

⁵⁾ Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи, Лерберга. Издавъ на нѣм. яз. Кругъ, перевелъ на русск. Языковъ. Спб. 1819. Статья о древней Югріи, стр. 54. По ссылкѣ Лерберга, пертасы упоминаются въ Никоновской лѣтописи, ч. IV, стр. 267. Имя пертасовъ также приводится въ повѣсти о св. Стефанѣ Пермскомъ, при перечисленіи народовъ, обитавшихъ около Перми. Памятники старинной русской литературы. Издавъ графъ Григорій Кушелевъ-Безбородко, вып. IV. Спб. 1862. Повѣсть о Стефанѣ, стр. 123: «А се имяна мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникомъ, живущимъ вкругъ Перми: Двиняне, Оустьюжане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Галане, Вятчане, Дюнь, Корѣла, Югра, Печера, Вогоуличи, Сомоедь, Першасы. Пермь Великая, глаголемая Чюсовая».

только ноги у нихъ кончались какъ у быковъ, а лице было пастоящее собачье; два слова произносили они почеловѣчи, а третье лаяли какъ собаки, и такимъ образомъ въ промежуткѣ времени (лучше перевести: нѣкоторое время) употребляли лай, а потомъ возвращались къ своей природѣ, и поэтому можно было понимать ихъ»⁶⁾).

Извѣстіе, сообщаемое ПIANO-Карпини о самоѣдахъ, жившихъ на крайнемъ сѣверѣ Азіи и занимавшихся звѣроловствомъ, можно принять за достовѣрное. Но затѣмъ, говоря о пароситахъ и какихъ-то сѣверныхъ прибрежныхъ обитателяхъ съ бычачьими ногами и собачьими головами, Карпини впадаетъ въ полную баснословность. Происхожденіе басни о пароситахъ, питающихся паромъ, ученые объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Пароситы, какъ народъ отдаленнаго сѣвера, принуждены были лѣтомъ жить въ своихъ жилищахъ, по цѣлымъ недѣлямъ защищаясь посредствомъ дымнаго очага отъ комаровъ и оводовъ, которые сильно размножаются во влажныхъ низменныхъ мѣстахъ и причиняютъ людямъ немалыя мученія. Отсюда дымъ представляется въ баснѣ о пароситахъ въ видѣ пара, которымъ будто бы питался этотъ народъ⁷⁾. Къ происхожденію же фантастическаго разсказа о странныхъ людяхъ съ бычачьими ногами и собачьими головами, по мнѣнію Лерберга, подали поводъ неясныя свѣдѣнія о морскихъ животныхъ Сѣвернаго океана. А именно, поводомъ къ разсказамъ о чудовищныхъ людяхъ послужили моржи съ неуклюжими передними лапами и тюлени, у которыхъ головы похожи на собачьи, а голосъ на лай⁸⁾.

Изъ извѣстій ПIANO-Карпини видно, что этотъ путешественникъ не сообщаетъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній о странахъ и народахъ сѣверо-западной Азіи. Только относительно самоѣдовъ онъ даетъ небольшое достовѣрное указаніе. Остальныя его свѣдѣнія о народахъ сѣверо-западной Азіи преисполнены баснословности.

⁶⁾ Собрание путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV ст. I. ПIANO-Карпини Спб. 1825. Переводъ Языкова. Кн. II, тл. V, стр. 157.

⁷⁾ Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи, Лерберга. Издалъ Кругъ, перевелъ съ нѣм. Языковъ. Спб. 1819. Статя о древней Юрпіи.

⁸⁾ Ibidem.

II.

Марко Николо Поло да С. Феличе.

Знаменитый путешественник второй половины XIII вѣка (отъ 1254 или 1255 до 1295 года), посѣтившій многія страны Азій, Марко Николо Поло да С. Феличе въ описаніи своего путешествія сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о странахъ и обитателяхъ сѣверной Азій.

Марко Поло говоритъ о странѣ, населенной татарами, которая почти недоступна по причинѣ холода и льдовъ. «Итакъ, пишетъ путешественникъ, надобно знать, что въ сѣверныхъ краяхъ свѣта (т. е. Азій) живетъ много татаръ подъ властію одного князя, по имени Кайду, который изъ Чингисъ-ханова рода и близкій родственникъ хану Кублаю. Онъ не зависитъ ни отъ какого другаго государя. Жители соблюдаютъ обычаи и нравы своихъ предковъ и считаются первоначальными татарами. Ихъ король (ханъ; можетъ быть, вѣрнѣе: князь, бекъ и его войско не стѣсняютъ себя въ городахъ и крѣпостяхъ: они живутъ во всякое время на открытыхъ равнинахъ, въ долинахъ, или лѣсахъ, которыхъ много въ этой странѣ. У нихъ нѣтъ никакого хлѣба: они питаются мясомъ и молокомъ и живутъ въ полномъ согласіи другъ съ другомъ: для короля ихъ, которому они безусловно послушны, всего дороже сохраненіе мира и согласія между его подданными, составляющее главный долгъ государя. У нихъ огромныя стада лошадей, коровъ, овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Въ этихъ сѣверныхъ краяхъ есть медвѣди бѣлаго цвѣта и очень большіе: они всего чаще въ 20 пяденей длины. Тамъ есть и лисицы, на которыхъ шерсть совсѣмъ черная, очень много дикихъ ословъ, да еще какіе-то звѣрки, по имени Рондесъ, съ самою вѣжною шерстью: у насъ называютъ ихъ соболнами, или соболями. Кромѣ того, есть разные звѣрки изъ породы куницъ и ласочекъ, да еще такіе, которыхъ зовутъ фараоновыми мышами. Множество послѣднихъ невѣроятно, но татары ловятъ этихъ звѣрковъ такъ искусно, что они не ускользаютъ отъ нихъ. Чтобы добратъся до страны, въ которой живутъ эти народы, надобно ѣхать 14 дней по широкой равнинѣ, совершенно необитаемой: въ ней сливаются безчисленныя рѣки и ручьи, отчего вся она въ болотахъ. Въ долгую, холодную зиму все мерзнетъ: только въ немногіе мѣсяцы солнце разводитъ ледъ, и тогда почва дѣлается болотистою, отчего и путешествіе становится гораздо труднѣе и утомительнѣе, нежели въ то время, когда все замерзаетъ.

Но, чтобы купцы могли посещать этот край и покупать его мѣха, въ которыхъ и состоятъ вся торговля тамошнихъ жителей, они съ большими усиліями сдѣлали доступною для путниковъ эту болотистую степь и на концѣ всякаго дневнаго переѣзда выстроили по деревянному жилью, возвышенному надъ землею: тутъ представлены люди, обязанные принимать купцовъ и давать имъ ночлеги, а на другой день провожать ихъ до слѣдующей станціи, пока не окончится степная дорога. Для переѣзда по замерзнувшей землѣ у нихъ есть родъ повозокъ, нѣсколько похожихъ на тѣ, которыми пользуются природные жители крутыхъ и почти недоступныхъ горъ, въ сосѣдствѣ съ нашей страной (Венеціей): онѣ называются носилками или санями, безъ колесъ, съ гладкимъ и ровнымъ дномъ, спереди загнутымъ полудугою кверху; на такихъ саняхъ легко можно мчаться по льду. Для возки этихъ небольшихъ экипажей жители приспособили какихъ-то животныхъ, которыя походятъ на собакъ, да и могутъ такъ называться, хотя величиною почти съ ослы. Онѣ очень сильны и привычны къ ѣздѣ. Шесть такихъ собакъ впрягаются по двѣ въ рядъ въ повозку, въ которой помѣщается только погонщикъ да купецъ съ поклажею своихъ товаровъ. По окончаніи дневнаго переѣзда, купецъ выходитъ изъ повозки съ такою собачьею упряжью, и мѣняетъ ее изо дня въ день до тѣхъ поръ, пока окончится степная дорога, а на обратномъ пути привозитъ съ собою мѣха, сбываемые въ нашей части свѣта⁹⁾.

Въ этомъ описаніи страны, очевидно, нужно видѣть сѣверную Азію, т. е. нынѣшнюю Сибирь. Обиліе рѣкъ, отчасти болотистая мѣстность, долгая холодная зима, множество разныхъ пушныхъ звѣрей, въ числѣ которыхъ, замѣтимъ, упоминается бѣлый медвѣдь; затѣмъ, ѣзда на собакахъ, богатство жителей, состоящее изъ огромныхъ стадъ коровъ, овецъ и табуновъ лошадей, — всѣ эти условія сильно напоминаютъ сѣверную Азію. Но какую именно часть сѣверной Азіи разумѣть въ своемъ описаніи Марко Поло, опредѣленно сказать трудно. Только можно предполагать, что путешественникъ

---

⁹⁾ Читенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ за 1862 годъ, кн. № 4. Путешествіе Марко Поло въ XIII столѣтіи. Нѣмецкое изданіе Августа Бюрка съ дополненіями и поправками Карла Фридриха Неймана. Перевелъ съ нѣм. А. Н. Шемьякинъ. Книга путешествій III, гл. 44, стр. 484, 485 486 и 487.

въ данномъ случаѣ описываетъ главнымъ образомъ юго-восточные и сѣверо-восточные предѣлы Сибири, такъ какъ о сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ предѣлахъ Сибири онъ говорить въ другомъ мѣстѣ описанія своего путешествія.

Далѣе, Марко Поло сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о землѣ Югорской, которая у него называется страной Мрака: «Въ самой отдаленной части этой Татарской земли, откуда, какъ сказано, привозится мѣха, есть другая страна, которая тянется къ самымъ крайнимъ сѣвернымъ предѣламъ міра и называется страной Мрака, потому что въ большую часть зимнихъ мѣсяцовъ тамъ не видно солнца и небо такъ темно, какъ бываетъ у насъ передъ разсвѣтомъ, по поговорѣ: ни день, ни ночь. Жители этой земли красивы и высоки, но очень блѣдны лицомъ. У нихъ нѣтъ никакого короля, или государя, отъ котораго они были бы въ зависимости: они живутъ безъ нравовъ (вѣроятно, нужно сказать: безъ всякаго понятія о добрѣ и злѣ), безъ законовъ, подобно скотамъ. Разсудокъ у нихъ точно въ туманѣ, и они почти глупы. Татары врываются въ эту страну разбойническими наѣздами и отнимаютъ у жителей скотъ и пожитки. Для того они пользуются тѣми мѣсяцами, когда бываетъ темно, чтобы не замѣтили ихъ приближенія; но, не зная хорошо дороги для возвращенія домой съ добычею, они, чтобы не заблудиться, ѣздятъ на кобылахъ, у которыхъ есть жеребята: эти послѣдніе провожаютъ матокъ до границъ Татарской земли, а потомъ, при вѣздѣ въ темный край, татары оставляютъ ихъ подъ особеннымъ присмотромъ: покончивъ свои темныя дѣла и пожелавъ опять увидать страну свѣта, татары бросаютъ поводья на шеи своихъ лошадей, и эти бѣгутъ, какъ имъ вздумается. Руководимыя материнскимъ инстинктомъ, онѣ выбираютъ дорогу прямо къ тому мѣсту, гдѣ оставили своихъ жеребятъ, и такимъ образомъ всадники вѣрно добираются до своихъ домовъ. Жители этой темной страны пользуются лѣтнимъ временемъ, когда у нихъ постоянный день, для убиванія множества горностаевъ, куницъ, ласочекъ, лисицъ и другихъ звѣрей этого рода; мѣха ихъ очень нѣжны, а потому и гораздо дороже тѣхъ, которые находятся въ странахъ, обитаемыхъ татарами: это то и соблазняетъ татаръ къ тѣмъ набѣгамъ, о которыхъ мы упоминали выше. Лѣтомъ они возятъ мѣха въ сосѣднія страны, гдѣ и сбываютъ ихъ съ хорошею прибылью:

миѣ рассказывали, что нѣкоторые мѣха вывозятся даже въ землю Русь¹⁰⁾.

Подъ страной Мрака, описанною Марко Поло, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть Югорскую землю. Это предположеніе о тождествѣ страны Мрака путешественника Марко Поло съ Югорской землей можетъ основываться отчасти и на томъ фактѣ, что земля Югорская у древнихъ арабскихъ путешественниковъ также называется страной Мрака. Затѣмъ, Марко Поло слышалъ о торговыхъ сношеніяхъ Руси съ его страной Мрака, что можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если мы подъ этой страной будемъ разумѣть землю Югорскую, такъ какъ въ XIII вѣкѣ русскіе едва ли могли проникать на сѣверѣ Азіи далѣе предѣловъ земли Югорской.

Въ одномъ мѣстѣ описанія своихъ путешествій Марко Поло говоритъ о двухъ областяхъ сѣверной Азіи: Юрза и Баргу, гдѣ жили также татары. Подъ этими сѣверными землями Юрза и Баргу вообще нужно видѣть Сибирь съ ея широкими равнинами, гдѣ бродили, какъ кочевники, татары. О какой именно части Сибири говоритъ въ данномъ случаѣ Марко Поло, это попытаемся указать ниже. Теперь же приводимъ самое описаніе страны Баргу. О землѣ Юрза Марко Поло говоритъ очень мало. «Татары жили,—сообщаетъ путешественникъ,—въ сѣверныхъ странахъ Юрза и Баргу, однако же не имѣли постоянныхъ жилищъ, т. е. ни городовъ, ни укрѣпленныхъ мѣстъ, но тамъ были широкія равнины, хорошія пастбища, большія рѣки и вдоволь воды»¹¹⁾.

Затѣмъ, путешественникъ болѣе подробно описываетъ собственно равнину Баргу, находившуюся близъ города Кара-Корана, въ которомъ жили ханы. Онъ рассказываетъ о нравахъ жителей этой равнины, объ океанѣ, который находится въ 40 дняхъ пути отъ нея, о соколахъ, водящихся на прибрежныхъ горахъ, и о положеніи полярной звѣзды, въ какомъ она является для наблюдателя въ этихъ мѣстахъ.

«Покинувъ Кара-Коранъ и Алтайскія горы, мѣсто погребенія татарскаго царскаго семейства,—пишетъ Марко Поло,—проѣзжаютъ страну, лежащую въ сѣверномъ направленіи и называемую равниною Баргу, длиною въ

¹⁰⁾ Ibidem, гл. 45, стр. 487 и 488.

¹¹⁾ Чтенія въ общ. истор. и древн. росе., 1862, кн. №1, Путешествія Марко Поло, гл. 43, стр. 163.

60 дней пути. Ея жители, по имени меркиты, — дикая орда: они питаются мясомъ дикихъ звѣрей, изъ которыхъ самыя большыя, (словно) олени, употребляются также и для ѣзды; питаются и птицами, посѣщающими ихъ многочисленныя озера и болота, также и рыбою. Лѣтомъ, когда птицы линяютъ, онѣ ищутъ этихъ водъ и, находясь не въ состояннй летать, по недостатку перьевъ, ловятся людьми безъ большаго труда. Эта равнина на сѣверѣ граничитъ съ океаномъ. Обычай и нравы жителей похожи на татарскіе. Жители подвластны великому хану. У нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни винограда; лѣтомъ они охотятся; зимою же есъ птицы и дикіе звѣри скрываются, по причинѣ невыразимо жестокаго холода. Послѣ 40 дней пути прѣзжаютъ, говорятъ, въ великому морю-океану. Вблизи него находится гора; на ней гнѣздится много ястребовъ и перелетныхъ соколовъ. Тамъ нѣтъ ни людей, ни звѣрей, да и изъ птицъ живетъ только одна порода, по имени Баргелакъ, за которую охотятся соколы и которою питаются кречеты, — величиною почти съ куропадокъ, съ хвостами, какъ у ласточекъ, съ когтями, какъ у попугаевъ, на лету очень быстры. Когда великій ханъ пожелаетъ имѣть породу перелетныхъ соколовъ, онъ посылаетъ въ это мѣсто, также и на прибрежный островъ, гдѣ кречетовъ такое множество, что его величество (ханъ) можетъ имѣть ихъ сколько ему угодно. Нельзя думать, чтобы кречеты, присылаемые изъ Европы татарамъ, шли ко двору великаго хана. Они идутъ къ нѣкоторымъ татарамъ, или другимъ знатымъ лицамъ въ Левантъ, сопредѣльномъ съ землями комановъ и армянъ. Та страна (Баргу) лежитъ такъ высоко на сѣверѣ, что полярная звѣзда представляется почти въ южномъ направлененіи¹²⁾.

Въ этомъ описаннн подл громадную равнину Баргу, лежащей на сѣверѣ и простирающейся на 60 дней пути, въ предѣлахъ сѣверной Азии, трудно разумѣть, что либо иное, кромѣ Сибири. Однако, не можетъ быть, чтобы равнина Баргу означала всю вообще Сибирь, т. е. сѣверную Азію. Противъ этого говорить то, что раньше Марко Поло уже отмѣчалъ двѣ различныя части сѣвера Азіи, а именно онъ описывалъ какую-то сѣверную холодную страну съ татарскимъ населеніемъ и страну Мрака (по нашему мнѣнію, Югорскую землю), находящуюся на самомъ крайнемъ сѣверѣ Азіи. Необходи-

¹²⁾ Ibidem, тл. 50, стр. 189 и 190.

димо предполагать, что Марко Поло наименованіемъ Баргу указываетъ только на одну какую нибудь отдѣльную часть сѣверной Азіи. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, равнина Баргу находилась около озера Байкала ¹³⁾. Но такое предположеніе о мѣстѣ Баргу не согласно съ описаніемъ этой равнины. По представленію Марко Поло, Баргу является странюю очень обширною и простирающеюся на сѣверъ далеко до самаго океана. Какъ кажется, подѣ Баргу Марко Поло, согласно съ Миддендорфомъ, лучше будетъ разумѣть прежде всего Барабинскую степь, а затѣмъ, можетъ быть, и всю низменность, разстилающуюся между рѣками Иртышемъ, Обью и Енисеемъ къ Ледовитому океану ¹⁴⁾. На такое географическое положеніе равнины Баргу отчасти указываетъ то, что мекриты, обитатели этой равнины, жили, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, гдѣ-то недалеко отъ рѣки Иртыша ¹⁵⁾. Затѣмъ, и физическія свойства Барабинской степи и иныхъ степныхъ пространствъ между рѣками Иртышемъ, Обью и Енисеемъ довольно хорошо подходятъ подѣ описаніе Баргу у Марко Поло. «Мастерскою рукою, не многими, но мѣткими чертами, по отзыву Миддендорфа, изображаетъ Марко Поло (въ описаніи Баргу, т. е. Барабинской степи и другихъ степныхъ пространствъ между Иртышемъ, нижнимъ теченіемъ Оби и Енисеемъ) и страну Сибири, и ея кочевыхъ обитателей въ томъ самомъ родѣ жизни, какой они ведутъ и доселѣ. Множество озеръ и болотъ, пол-

¹³⁾ Ibidem, примѣч. 164 на стр. 164.

¹⁴⁾ Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, А. Миддендорфа, ч. I, отд. I, стр. 63.

¹⁵⁾ Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ за 1862 г. кн. № 1, Путешествія Марко Поло, гл. 50, стр. 189, примѣч. 189: «Племя мекритовъ встрѣчается подѣ именемъ меркитовъ и маркетовъ очень часто въ татарской исторіи; ихъ земля была однимъ изъ первыхъ завоеваній Чингисхана. Точно обозначить ее нельзя, но что она лежала далеко на сѣверѣ, можно заключать изъ одного мѣста въ L' hist. gen. des huns, гдѣ идетъ рѣчь о пораженіи наймановъ и разсѣянніи ихъ гоударей; тамъ сказано: „все обратились въ бѣгство и направились къ рѣкѣ Иртышу, гдѣ укрѣпились и составили сильную сторону, которой помогаль Токтабегъ, ханъ меркитовъ“, Livre XV, p. 23. Меркиты, кажется, состояли изъ многихъ ордъ, бродившихъ въ степяхъ Сибири. Поло, вѣроятно, не посѣщаль этихъ странъ и говорить о нихъ только со словъ другихъ. Можно полагать, что подѣ меркитами вообще надо разумѣть сибирскихъ кочевниковъ».

ныхъ рыбой и дичью; сосѣдство океана; убой обливной дичи; порода оленей, употребляемыхъ для верховой ѣзды и вмѣстѣ въ пищу, за неизмѣнимъ ни хлѣба, ни вина; переселеніе птицъ и звѣрей на зиму по причинѣ невыразимой стужи; соколы-голубятники и бѣлыя куропатки, хотя послѣднія описаны не довольно ясно: все это очаровываетъ знатока Сибири поразительною вѣрностью изображенія. Все это и теперь тамъ точно также, какъ было назадъ тому столѣтія, и надо удивляться, какъ въ горахъ, близкихъ къ океану, въ которыхъ водится много коршуновъ и соколовъ-голубятниковъ, давно не признали сѣвернаго Урала. Къ сожалѣнію, трудно сказать, какой именно разумѣется у Марко Поло прибрежный островъ, откуда его ханское величество получалъ кречетовъ, сколько ихъ ему было угодно: одинъ ли изъ мелкихъ острововъ, или Вайгачъ, или даже Новая Земля» ¹⁶⁾.

Сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе объ общемъ характерѣ извѣстій Марко Поло о сѣверѣ Азіи. Нельзя сказать, чтобы эти извѣстія знаменитаго путешественника отличались большою точностью. Многого изъ описаннаго имъ онъ видѣть не могъ, но писалъ по слухамъ и рассказамъ; отсюда главнымъ образомъ происходитъ неясность въ обозначеніи географическаго положенія странъ. Но, во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія Марко Поло весьма цѣнны, такъ какъ изъ нихъ узнаемъ нѣкоторыя интересныя подробности о странахъ сѣверной Азіи и ея обитателяхъ второй половины XIII столѣтія. Напримѣръ, изъ этихъ извѣстій видно, что во второй половинѣ XIII вѣка происходили торговныя сношенія внутренней Азіи и отчасти Русской земли, съ одной стороны, и обитателей сѣвера Азіи, съ другой. Марко Поло въ описаніи своихъ путешествій представилъ, по своему времени, важныя свѣдѣнія объ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ странахъ сѣверной Азіи, но эти извѣстія не принесли пользы ни его современникамъ, ни послѣдующимъ поколѣніямъ, и долго еще послѣ Марко Поло. не смотря на его достовѣрныя сообщенія о сѣверной Азіи, страна эта скрывалась подъ покровомъ баснословности.

---

¹⁶⁾ Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, А. Миддендорфа, ч. I. отд. I, стр. 63.

III.

Иванъ Шильтбергеръ.

Съ 1394 года по 1427 годъ нѣкоторыя страны Европы, Азіи и Африки посѣтилъ нѣмецъ Иванъ Шильтбергеръ. Онъ находился въ военной службѣ у разныхъ восточныхъ владѣтелей. Шильтбергеру, во время его странствованій, случилось посѣтить и Сибирь. Обстоятельство, приведшее Шильтбергера къ путешествію въ эту страну, онъ объясняетъ такимъ образомъ. При Абубекірѣ, сынѣ Миранъ-шаха, завладѣвшемъ зависѣвшею отъ Вавилоніи областью Гуріе, находился королевскій сынъ ¹⁷⁾ изъ Великой Татаріи. Этому принцу было предложено возвратиться на родину для занятія тамъ престола. Съ согласія Абубекира онъ отправился туда въ сопровожденіи 600 всадниковъ, въ числѣ коихъ находился и я съ 4 товарищами ¹⁸⁾... Королевскій сынъ перешелъ въ Великую Татарію къ вельможѣ, племенемъ Едигей, который послалъ ему предложеніе возвратиться для занятія тамъ престола. Едигей готовился тогда къ походу въ страну, именуемую Сибирь (Jbissibur) ¹⁹⁾.

Затѣмъ, Шильтбергеръ говоритъ о самой Сибири, причѣмъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о горахъ этой страны, о дикихъ горныхъ обитателяхъ, о животныхъ и, наконецъ, о ѣздѣ на собакахъ.

Вышеупомянутый королевскій сынъ, по имени, Чекре (Zegre, Zegia), пишетъ Шильтбергеръ, — провожалъ Едигея въ Сибирь. Они шли два мѣсяца до прибытія въ эту страну, гдѣ есть горы, простирающіяся на 32 дня ходьбы. По рассказамъ туземцевъ, горный хребетъ этотъ примыкаетъ къ пустынѣ, доходящей до оконечности свѣта и въ которой люди не могутъ обитать, по причинѣ дикихъ животныхъ и змѣй, которыя въ ней

---

¹⁷⁾ По объясненію Бруно, подъ этимъ королевскимъ сыномъ слѣдуетъ разумѣть Чекре, отъ котораго сохранились монеты, битыя съ 1414 по 1416 г., въ Ордѣ, Болгаріи, Астрахани и Сараѣ. Зап. Новоросс. Унив., годъ I, томъ I, Одесса, 1867, стр. 30, примѣч. къ главѣ XXV Путешествія Шильтбергера.

¹⁸⁾ Записки Новороссійскаго университета, годъ I, томъ I, Одесса, 1867. Путешествія Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ съ 1394 по 1427 годъ. Перевелъ съ нѣм. яз. и снабдилъ примѣчаніями Ф. Бруно. Гл. XXV, стр. 30.

¹⁹⁾ Ibidem, гл. XXV, стр. 33.

водятся. Въ самыхъ же горахъ живутъ отдѣльными семействами дикари, не имѣющіе постоянныхъ жилищъ. На всемъ тѣлѣ своемъ, кромѣ лица и рукъ, они покрыты волосами и, подобно другимъ животнымъ, скитаются по горамъ, питаются травой и всею, что имъ попадетъ подъ руки. Изъ этихъ дикарей намѣстникъ края послалъ Едатею мужчину и женщину ²⁰⁾, которыхъ словили въ горахъ, гдѣ водятся также лошади, которыя ростомъ не бываютъ больше ословъ. Эта страна изобилуетъ также разными породами животныхъ, которыя вовсе не встрѣчаются въ Германіи и коихъ не могу поименовать. Тутъ водятся также собаки, величиной съ осла, которыхъ запрягаютъ въ повозки и сани и которыя также употребляются для перевозки чемодановъ (т. е. тюковъ съ товарами)» ²¹⁾.

Далѣе, по сообщенію Шильтбергера, «въ этой странѣ (Сибири) сѣютъ только просо (brein), и хлѣба вовсе не ѣдятъ» ²²⁾.

Наконецъ, Шильтбергеръ передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о религіи обитателей Сибири и объ одномъ странномъ похоронномъ обычаѣ. «Замѣчу также, — говоритъ путешественникъ, — что туземцы поклоняются Христу, на подобіе трехъ царей, пришедшихъ для принесенія ему жертвъ въ Вилеємѣ, гдѣ видѣли его въ ясляхъ. Поэтому можно видѣть въ ихъ храмахъ изображеніе Христа, представленнаго въ такомъ видѣ, какъ его застали три царя, и предъ этими образами они молятся. Приверженцы сего толка называются угинь, *ugine* ²³⁾; они въ Татаріи встрѣчаются въ большомъ числѣ. Въ этой странѣ существуетъ также обычай, что, въ случаѣ смерти молодаго человѣка неженатаго, на него надѣваютъ лучшія платья его и кладутъ его въ гробъ, покрытый балдахинномъ. Затѣмъ, являются молодые люди въ праздничныхъ нарядахъ и несутъ его до могилы, въ сопровожденіи музыкантовъ, которые играютъ и поютъ веселыя пѣсни. За ними слѣдуютъ родители и

²⁰⁾ По предположенію Бруно (*ibid.*, стр. 35), слухъ о дикахъ людяхъ въ Сибири, покрытыхъ шерстью, подобно звѣрямъ, могъ возникнуть оттого, что туземцы, защищаясь отъ суроваго климата, носили шубы наизворотъ. шубомъ наружу.

²¹⁾ *Ibidem*, гл. XXV, стр. 34 и 35.

²²⁾ *Ibidem*, гл. XXV, стр. 35.

²³⁾ По мнѣнію Неймана и Бруно, Шильтбергеръ разумѣлъ подъ именемъ *ugine* послѣдователей ламаизма, т. е. модификаціи буддаизма, введеннаго Чингисъ-Ханомъ изъ Тибета въ Монголію.

приближенные усопшаго, которые, уже наоборотъ, рыдають и жалуются. Послѣ погребенія приносятъ къ могилѣ кушанья и напитки, коими наслаждаются, веселясь, молодые люди и музыканты; родители же и пріатели ихъ сидятъ отдѣльно и продолжаютъ жаловаться. Наконецъ, всѣ ихъ провожаютъ домой, и тѣмъ оканчивается церемонія, которая должна представлять празднованіе свадьбы умершаго, если бы онъ не скончался» ²⁴⁾

Въ концѣ концовъ Шильтбергеръ прибавляетъ: «все это я видѣлъ своими глазами, когда находился при выше упомянутомъ королевскомъ сынѣ Чекре» ²⁵⁾.

Въ приведенномъ землеописаніи Шильтбергера дѣло идетъ вообще о сѣверной Азіи, о Сибири. Горный хребетъ протяженіемъ на 32 дня пути (по всей вѣроятности, Уральскія горы), дикіе обитатели этихъ горъ, не знающіе хлѣба, а питающіеся тѣмъ, что Богъ пошлетъ, ѣзда на собакахъ, олени (о послѣднихъ Шильтбергеръ говоритъ какъ о лошадяхъ, которыя ростомъ, не бываютъ больше ословъ), — всѣ эти условія сильно напоминаютъ сѣверную Сибирь. Въ одномъ мѣстѣ своего описанія Сибири Шильтбергеръ говоритъ, что въ этой странѣ хлѣба не ѣдятъ, а сѣютъ для пищи просо. Въ этомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ предѣлы южной Сибири, такъ какъ только въ этихъ мѣстахъ могло сѣяться просо. Наконецъ, изъ путешествія Шильтбергера узнаемъ оди́нъ интересный фактъ. А именно, перечисляя города Великой Татаріи, онъ между ними упоминаетъ также городъ Сибирь ²⁶⁾. Такимъ образомъ, этотъ городъ уже существовалъ въ началѣ XV столѣтія.

IV.

Матвѣй Мѣховскій.

Однимъ изъ первыхъ иностранцевъ, который печатно передалъ Европѣ точныя свѣдѣнія о Россіи, былъ польскій лѣтописецъ Матвѣй изъ Мѣхова, или Мѣховскій. Сочиненіе его *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiatica et Europiana et de contentis in eis* появилось въ 1517 году. Въ этомъ сочиненіи также встрѣчаются кое-какія свѣдѣнія о землѣ Югорской и вообще объ отдаленномъ сѣверѣ русской Европы и Азіи.

²⁴⁾ Записки Новороссійскаго университета, годъ I, томъ I, Одесса, 1867. Путешествіе Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ съ 1394 по 1427 годъ. Перев. съ нѣм. яз. и снабдилъ примѣчаніями Ф. Бруно, гл. XXV, стр. 35 и 36.

²⁵⁾ Ibidem, гл. XXV, стр. 36.

²⁶⁾ Ibidem, гл. XXXVI, стр. 56.

Въ статьѣ De regionibus Scythiae Perm, Baskird, Juhra et Corela, per ducem Moscoviae subjugatis (о скинскихъ странахъ, покоренныхъ княземъ московскимъ, о Перми, Башкиріи, Югрѣ и Корелѣ) Матвѣй Мѣховскій рассказываетъ слѣдующее. Пермь, Башкирія, Югра и Корела «продолжаютъ коснѣть въ язычествѣ и поклоняться идоламъ. Эти народы чтутъ солнце, луну, звѣзды, звѣрей и прочіе разные предметы. Говорятъ они на особенныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ... Въ Югрѣ—также особенное нарѣчіе. Въ этихъ странахъ не пахутъ, не сѣютъ, не знаютъ ни хлѣба, ни денегъ; питаются лѣсными животными, которыя у нихъ имѣются во множествѣ; пьютъ только воду. Живутъ въ непроходимыхъ лѣсахъ, устроявая себѣ шалаши изъ вѣтвей. Тѣ земли сплошь покрыты лѣсами, и люди, подъ вліяніемъ такой обстановки, одичали и стали похожими на звѣрей. Оди-чавшіе обитатели не пользуются никакими удобствами; о шерстяныхъ одеждахъ и понятія не имѣютъ, а облакаются въ грубыя и грязныя шкуры, надѣвая ихъ на себя безъ всякаго разбора и добывая ихъ охотою на разныхъ звѣрей, какъ то: волковъ, оленей, медвѣдей... вообще какого звѣря Богъ пошлетъ. Такъ какъ эти люди еще не открыли въ своей землѣ никакихъ металловъ, то и дань московскому князю платятъ не металлами, а шкурами разныхъ звѣрей, которые у нихъ имѣются въ изобиліи. Народы, живущіе близъ береговъ Сѣвернаго океана, какъ, напримѣръ, юктры (югры?) и корелы, занимаются рыболовствомъ, а также охотятся на китовъ и на морскихъ коровъ и собакъ (тюленей), которыя на ихъ языкѣ называются *vor vol* ²⁷⁾. Изъ кожи ихъ выдѣлываютъ упряжныя принадлежности, охотничьи тенета и сидки, сало же берегаютъ... и продаютъ. Въ Югрѣ и Корелѣ встрѣчаются кое-какія горы посредственной высоты, а не величайшія, какъ объ этомъ думали и писали нѣкоторые. На горы, примыкающія къ Сѣверному океану и не представляющія выдающихся вершинъ, вздѣзаютъ изъ океана рыбы, называемыя моржами. Эти животныя, придерживаясь при помощи зубовъ, постепенно ползкомъ подвигаются впередъ по горѣ до самой ея вершины и, добравшись такимъ образомъ до самаго высокаго пункта горы, онѣ

²⁷⁾ Тутъ, какъ кажется, подъ *vor vol* нужно разумѣть ворвань. У писателя, какъ видно, благодаря скуднымъ свѣдѣніямъ, произошло смѣшеніе части съ цѣлымъ: ворвань, названіе продукта, добываемаго изъ тюленей, принято имъ за названіе самихъ тюленей.

продолжается въ тѣхъ странахъ отъ дня святыхъ Филиппа и Іакова, т. е. отъ 1 мая, до дня св. Іакова апостола, котораго память празднуется въ концѣ іюля. Зато около зимняго солнцестоянія ночи бываютъ тамъ самыя длинныя и самыя мрачныя, и дня совсѣмъ почти нѣтъ. Въ эту пору солнце появляется лишь въ то время, когда небосклонъ очищается отъ облаковъ, но и то не долге, какъ на одинъ какойнибудь часъ: оно тогда какъ будто ползаетъ близъ земли, не будучи въ силахъ вознестись надъ нею. Потому около зимняго солнцестоянія всѣ работы производятся при фонаряхъ, точно также какъ въ христіанскихъ областяхъ этого протяженія: въ Финляндіи, Готеліи и Норвегіи, вся церковная служба, а именно обѣдня и вечернее служеніе совершается при свѣчах»³⁰⁾.

V.

Альбертъ Кампензе.

Голландецъ Альбертъ Кампензе (умеръ въ 1542 г.) на писалъ къ папѣ Клементу VII интересное письмо о дѣлахъ Московіи, о которыхъ онъ узналъ отъ своихъ отца и брата, долго жившихъ въ Москвѣ. Письмо это относится къ 1523 или 1524 году. Кампензе передаетъ свѣдѣнія о горахъ Уральскихъ, о земляхъ Югорской и Вогульской и объ одномъ самомъ сѣверномъ татарскомъ племени.

Описывая крайніе предѣлы сѣверо-востока Европы и сѣверо-запада Азіи, онъ говоритъ: «Московія простирается далеко за Танаисъ, составляющій границу Европы и Азіи, и даже за Ра (т. е. Волгу), величайшую изъ рѣкъ Азіатской Сарматіи, вплоть до Гиперборейской Скандіи (нынешней Сибири), лежащей на сѣверо-восточномъ краю Азіи. На семъ пространствѣ обитаютъ многіе народы, а именно: югры (jugri), карелы (corelli), печоране, вогуличи (vahulzrani), башкиры (baschirdi) и черемасы (czeremissi). Въ недавнемъ времени всѣ они покорены Московіи великимъ княземъ Іоанномъ (Ivan), предшественникомъ нынѣ царствующаго великаго князя Василія. Нѣсколько далѣе ихъ къ сѣверо-востоку, также по ту сторону Ра, сопредѣльно съ княжествомъ Суздальскимъ, живутъ ногаи или западные татары, составляющіе самое сѣверное племя изъ всего татарскаго народа»³¹⁾.

³⁰⁾ Ibidem, стр. 151.

³¹⁾ Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 Т. I. Письмо Альберта Кампензе, гл. 1, стр. 15.

Далѣе, Кампензе сообщаетъ нѣкоторыя подробности относительно печорянъ, вогуличей и югрйчей. причѣмъ точнѣе, чѣмъ въ выше приведенномъ отрывкѣ, обозначаетъ мѣста пребыванія этихъ народовъ. «Къ сѣверовостоку отъ Московіи,—пишетъ Кампензе,— за Вяткою и Устюгомъ, въ разстояніи пяти сотъ нѣмецкихъ миль, живутъ печоране и вогуличи, народы племени скиѣскаго. Незадолго передъ этимъ великій князь Іоаннъ, предшественникъ нынѣ царствующаго князя Василія, покоривъ ихъ своему владычеству, принудилъ креститься и исповѣдовать Христа, и далъ имъ въ духовныя наставники греческаго епископа, или владыку (vladico). Говорятъ, что по отбытіи великаго князя варвары схватили этого епископа, содрали съ него кожу и потомъ умертвили въ жесточайшихъ мученіяхъ. Князь, узнавъ о семъ, послѣшнѣе возвратился назадъ, казнилъ зачинщиковъ бунта и, давъ имъ другаго епископа, снова обратилъ ихъ къ вѣрѣ христіанской. За печоранами и вогуличами, по берегу Сѣвернаго океана, живутъ другія скиѣскія племена, какъ то: югры, карелы, башкиры и черемисы. Всѣ они находятся подъ властію московитянъ, но доселѣ еще коснѣютъ въ идолопоклонствѣ»³²⁾.

Наконецъ, Кампензе говоритъ нѣсколько словъ по поводу баснословныхъ горъ Гиперборейскихъ. «Рѣки Московіи,—пишетъ онъ,—берутъ начало свое въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ, а не въ тѣхъ баснословныхъ Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, которыя прозвело воображеніе грековъ и которыхъ никто еще не видалъ въ природѣ; ибо во всей Московіи не встрѣтишь ни одного пригорка, развѣ только на берегахъ Сѣвернаго и Скиѣскаго океановъ, гдѣ обитаютъ югры, карелы, башкиры и черемисы. При семъ случаѣ не могу довольно надивиться дерзости нашихъ географовъ, которые безъ стыда и совѣсти рассказываютъ невѣроятныя вещи о Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, въ коихъ, по увѣренію ихъ, берутъ начало свое рѣки Московіи. Все это столько же справедливо, какъ и то, что повѣствуютъ они объ обѣихъ Сарматіяхъ и вообще о странахъ сѣверныхъ. Стоитъ только подобно мнѣ сличить показанія ихъ съ разсказами новѣйшихъ путешественниковъ, чтобы вполне удостовѣриться въ ихъ безстыдствѣ»³³⁾. Какъ оказывается, самъ Кампензе, опровергая одно заблужденіе,

³²⁾ Ibidem. стр. 26.

³³⁾ Ibidem. стр. 29.

впалъ въ другое: онъ имѣлъ самое неясное представле-
ніе о горахъ Уральскихъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ
письма Кампензе видно, что свѣдѣнія писателя о За-
уральскомъ краѣ, полученныя имъ отъ лицъ, долго
жившихъ, по его словамъ, въ Москвѣ, весьма скудны.

VI.

Павель Іовій.

Павель Іовій Новокомскій, епископъ Ноцерскій, со-
ставившій описаніе Московіи на основанія свѣдѣній,
полученныхъ имъ въ 1525 году въ Римѣ отъ Дмитрія
Герасимова, посла великаго князя московскаго Василія
III сообщаетъ въ своемъ сочиненіи также, какъ и Кам-
пензе, скудныя извѣстія о странахъ и обитателяхъ сѣве-
ро-западной Азіи. Павель Іовій писалъ свое сочиненіе
со словъ русскаго. Отсюда ясно, что и сами русскіе
не обладали точными свѣдѣніями о Зауральскомъ краѣ.

«Къ сѣверу отъ Московіи, — пишетъ Іовій, — обитаютъ
безчисленныя племена, подвластныя московитянамъ и за-
нимающія все пространство до Скнвскаго океана, на
разстояніи трехъ мѣсяцовъ пути»³⁴). Далѣе, Іовій, го-
воря о торговлѣ въ городѣ Устюгѣ, называетъ часть
этихъ «безчисленныхъ племенъ». «Въ 600 мильяхъ отъ
Москвы, тамъ, гдѣ рѣка Югъ впадаетъ въ Двину, — пи-
шетъ Іовій, — лежитъ торговый городъ Устюгъ. Туда
пріѣзжаютъ пермь (permi), печера (pesceri), югры
(inugri), вогулчи (ugulici), пивнежане (piunagi) и дру-
гіе отдаленнѣйшіе народы и привозятъ съ собою доро-
гіе мѣха (какъ-то: куницъ, соболей, волковъ, оленей и
черныхъ и бѣлыхъ лисицъ)»³⁵).

Затѣмъ, Іовій говоритъ о пути, ведущемъ въ земли
югричей и вогуличей, и о горахъ Уральскихъ «Въ стра-
ну югровъ и вогуличей, — пишетъ Іовій, — лежитъ путь
черезъ непроходимыя горы, вѣроятно, тѣ самыя, кото-
рыя въ древности именовались Гиперборейскими. На
вершинахъ ихъ ловятъ превосходныхъ соколовъ, между
коими особенно замѣчательныя родъ бѣлыхъ соколовъ съ
пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ herod-
dium. Тамъ же водятся іерофалки, непріатели цаплей,
и разныя породы священныхъ перелетныхъ соколовъ,
неизвѣстныя даже самымъ роскошнѣйшимъ государямъ

³⁴) Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836.
Т. I. Павель Іовій, стр. 29.

³⁵) Ibidem, стр. 30.

древности, занимавшимся охотою на птицъ (птицеловством)³⁶⁾.

Наконецъ, Іовій говоритъ о народахъ, обитающихъ при океанѣ. Объ этихъ народахъ даже сами москвитяне, по словамъ Іовія, ничего не знаютъ. «Кромѣ народовъ, упомянутыхъ мною и платящихъ дань московскимъ царямъ.—сообщаетъ писатель,—есть еще племена, по отдаленности своей неизвѣстныя даже самимъ москвитянамъ, ибо никто не доходилъ до океана. Объ нихъ знаютъ только по слуху и по разсказамъ купцевъ, большею частію баснословнымъ. Достоверно только то, что Двина, принимающая въ себя безчисленныя рѣки, съ большимъ стремленіемъ течетъ къ сѣверу, и что море, въ которое впадаетъ она, имѣетъ столь огромное протяженіе, что, придерживаясь праваго его берега, можно доплыть до самаго Китая, ежели не встрѣтятся на пути какой либо новой земли»³⁷⁾.

Іовій говоритъ также о татарахъ, обитавшихъ на востокъ отъ Москвы, и въ этомъ числѣ о шибанскихъ татарахъ, жившихъ въ землѣ Сибирской. «На востокъ отъ москвитянъ,—сообщаетъ писатель,—живутъ скифы, нынѣ называемые татарами, народъ кочевой и съ давнихъ временъ славящійся своимъ воинственнымъ характеромъ. Телѣга, покрытая войлоками и кожами, служатъ имъ вмѣсто домовъ, и этотъ образъ жизни еще въ древности пріобрѣлъ имъ названіе амаксовіевъ (hataxovios). Вмѣсто городовъ имѣютъ они обширныя становища, не обведенныя ни рвами, ни насыпями, но защищаемыя безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, вооруженныхъ стрѣлами. Татары раздѣляются на орды: это слово на ихъ языкѣ значитъ собраніе народа въ одно цѣлое, на подобіе государства. Каждую орду управляетъ особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинскимъ доблестямъ. Побуждаемые честолюбіемъ, они часто ведутъ жестокия войны съ своими сосѣдями. Татарскихъ ордъ, какъ извѣстно, находится безчисленное множество, ибо татары владѣютъ обширными стенами, простирающимися до самаго Китая, знаменитой страны на берегахъ Восточнаго океана. Тѣ изъ татарскихъ племенъ, которыя ближе къ москвитянамъ, извѣстны по торговымъ сношеніямъ своимъ и по частымъ набѣгамъ. Далѣе, на сѣверъ отъ Казани живутъ шибанскіе татары (Sciabani), сильные по своему много-

³⁶⁾ Ibidem, стр. 31.

³⁷⁾ Ibidem, стр. 31 и 32.

людству и обширнымъ стадамъ; а за ними ногайскіе татары, славящіеся въ настоящее время богатствомъ своимъ и воинскою доблестью. Сія обширнѣйшая орда не имѣетъ государя, но управляется, подобно Венеціанской республикѣ, благоразумными старцами и храбрыми мужами»³⁸).

VII.

Герберштейнъ.

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, бывшій въ Рос-
сиіи два раза: въ 1517 и 1526 годахъ, въ своихъ Запискахъ о Московіи сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Зауральскомъ краѣ и о путяхъ изъ Московіи въ этотъ край. Сообщаемыя имъ объ этомъ извѣстія получены отъ русскихъ; поэтому, знакомясь съ тѣмъ, что передается Герберштейномъ о сѣверо-западной Азіи, мы въ то же время можемъ судить, насколько сами русскіе знали этотъ край въ первой половинѣ XVI столѣтія.

Сначала передадимъ собственными словами автора Записокъ о Московіи то, что онъ могъ узнать о странахъ сѣверо западной Азіи и о путяхъ въ этотъ край. «Владѣнія московскаго князя, — сообщаетъ Герберштейнъ. — простираются далеко на востокъ и нѣсколько на сѣверъ до тѣхъ мѣстъ, которыя исчисляются дальше. Если кто отправляется туда изъ Москвы, тому надобно держаться болѣе употребительнаго и кратчайшаго пути отъ Устюга и Двины черезъ Пермю. Отъ Москвы до Вологды считается 500 верстъ, отъ Вологды до Устюга, вправо, внизъ по рѣкѣ (Вологдѣ и потомъ) по Сухонѣ, съ которою (эта рѣка) сливается, также 500 верстъ. Подъ городомъ Стрельце (Strelze), на двѣ версты ниже Устюга, съ нею сливается рѣка Югъ, текущая съ юга; отъ нея устье до истоковъ считается болѣе 500 верстъ. Сухона и Югъ по своему сліянію получаютъ новое названіе — Двина. Потомъ по Двинѣ до Холмогоръ — 500 верстъ; ниже этого города въ шести дняхъ пути Двина шестью устьями впадаетъ въ океанъ. Большая часть этого пути совершается водою, ибо сухимъ путемъ отъ Вологды до Холмогоръ, съ переправою черезъ Вагу, тысяча верстъ. Недалеко отъ Холмогоръ впадаетъ въ Двину справа рѣка Пинега, текущая съ востока на пространство 700 верстъ. Изъ Двины до мѣста, называемаго Николаевымъ (Nicolai), идутъ рѣкою Пинегой 200 верстъ; здѣсь, на пространствѣ полуверсты, суда пере-

³⁸) Ibidem, стр. 24 и 25.

волакиваютъ въ рѣку Кулой (Kuluo) ³⁹). Рѣка же Кулой беретъ начало на сѣверѣ изъ озера того же имени; отъ ея истоковъ до устья, которымъ она изливается въ океанъ, шесть дней пути. Держась праваго берега моря, приходится плыть мимо слѣдующихъ мѣстъ (possessions): Stanuvuische (?), Calunczcho (?) и Arnu (?). Обогнувъ мысъ Chorogoski Nosz (?) и Stanuvuische (?), Camenckh (?) и Tolstickh (?), наконецъ входимъ въ рѣку Мезень (Mezen), по которой надо плыть шесть дней до деревни того же имени, лежащей при устьѣ рѣки Пезы (Piesza). Идя вверхъ по этой рѣкѣ опять влѣво, къ юговостоку, послѣ трехнедѣльнаго пути встрѣтишь рѣку Piescoya (?). Оттуда пять верстъ волокутъ суда въ два озера, и тогда представляются двѣ дороги: одна изъ нихъ, влѣво, ведетъ въ рѣку Rubicho (?), по которой можно дойти до рѣки Чирки (Circho). Другіе инымъ, кратчайшимъ, путемъ перевозываютъ суда изъ озера прямо въ Чирку, изъ которой если только не задержать бури, въ три недѣли приходятъ къ устьямъ рѣки Цыльмы (Czilma), впадающей въ большую рѣку Печору, которая въ этомъ мѣстѣ простирается на двѣ версты въ ширину. Спустившись въ Печору, въ шесть дней доходятъ до города и крѣпости Пустозерска (Pustoosero), около котораго Печора шестью устьями впадаетъ въ океанъ ... Отъ устья Цыльмы до устья рѣки Усы (Ussa) одинъ мѣсяцъ пути Печорою. Уса же беретъ начало съ горы Земной Поясъ (Pouas Zemnoi), находящейся влѣво отъ лѣтняго восхода, и течетъ изъ огромнаго камня этой горы, который называютъ Большимъ Камнемъ (Kamen Bolschoi). Отъ истоковъ Усы до ея устья считается болѣе тысячи верстъ. Печора течетъ въ этотъ сѣверный край съ юга; и отсюда три недѣли пути, если подниматься вверхъ отъ устья въ Усу до устья въ рѣки Щугура (Stzuchogora). Писавшіе дорожникъ (изъ котораго Герберштейнъ заимствовалъ свои свѣдѣнія) говорили, что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема (Potscheriema), и сложили запасы, привезенные ими съ собою изъ Россіи, у ближней крѣпости Strupili (?), которая лежитъ на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ. За рѣками Печорой и Щугуромъ, у горы Каменный Поясъ (Camenі pouas) и у моря, на сосѣднихъ островахъ и около крѣпо-

³⁹) По современнымъ опредѣленіямъ, ближайшее разстояніе между рѣками Кулоемъ и Инвеемъ равно 10 верстамъ. См. Зап. ист.-фил. факульт. Имп. Слб.-скаго унив., т. XIII, изслѣдованіе о Герберштейнѣ, проф. Е. Е. Замысловскаго, стр. 149.

сти Пустозерска, живутъ различныя и безчисленныя племена, называющіяся однимъ общимъ именемъ самагди (samoged), т. е. самихъ себя ѣдящихъ. У нихъ много добывается птиць и различныхъ звѣрей, какъ-то: соболей, куницъ, бобровъ, горностаевъ, бѣлокъ, а въ океанѣ водится животное моржъ (mors).... кромѣ того, uess (?); также бѣлые медвѣди, волки, зайцы, equivo-duani (?), киты и рыба, называемая семгой (semsi), и весьма мн. др. Эти племена не приходятъ въ Московію, ибо они дики и убѣгаютъ сообщества и сожитель-ства съ другими льдьми. Отъ устья Щугура вверхъ по рѣкѣ до Poiassa (?) Artavuische (?), Samenі (?), и большаго Poiassa (?)—три недѣли пути. Потомъ на гору Камень (amen) нужно всходить три дня; спустившись съ нея, идутъ къ рѣкѣ Artavuischa (?), потомъ къ рѣкѣ Sibut (?), отсюда къ крѣпости Lepin (?), отъ Лепина къ рѣкѣ Сосвѣ (Sossa). По этой рѣкѣ живутъ вогуличи (vuogolici). Оставивъ Сосву вправѣ, достигаешь рѣки Оби (Oby), которая беретъ начало изъ Китайскаго озера (Kitaisko lacus). Черезъ нее они переправлялись едва въ одинъ день, и то при скорой ѣздѣ; рѣка эта имѣетъ почти 80 верстъ въ ширину⁴⁰⁾. По ней живутъ также вогуличи и югричи (ugritzschi). Отъ Обской крѣпостцы вверхъ по рѣкѣ Оби до устья рѣки Иртыша (Irtische), въ которую впадаетъ Сосва.—трехмѣсячный путь. Въ этихъ мѣстахъ есть двѣ крѣпости Еромъ (Jerom) и Тюмень (Tumen), которыми управляютъ князья югорскіе (domini Knesi Juhorski), какъ говорятъ, данники великаго князя московскаго. Тамъ водится много звѣрей и (добывается) весьма много мѣховъ»⁴¹⁾.

Далѣе Герберштейнъ передаетъ нѣкоторыя подробности объ обитателяхъ Лукоморіи и разныхъ мѣстъ въ бассейнѣ рѣки Оби.

«Отъ устья рѣки Иртыша до крѣпости Грустины (Grustina), — пишетъ Герберштейнъ, — два мѣсяца пути; отъ нея до озера Китая (Kitai) рѣкою Обью, которая, какъ я сказалъ, вытекаетъ изъ этого озера, болѣе чѣмъ

⁴⁰⁾ Обозначеніе громадной ширины р. Оби (въ 80 верстъ) являлось такъ ошибочнымъ потому, что въ этомъ случаѣ принимали Обскую губу за самую р. Обь. См. Зап. ист.-фил. факультета Имп. Сиб. скаго Унив., т. XIII, изслѣдованіе о Запискахъ о Московіи, проф. Е. Е. Замысловскаго, стр. 149.

⁴¹⁾ Записки о Московіи барона Герберштейна. Съ латинскаго Базельскаго изданія 1556 года перевелъ А. Анонимовъ. Сиб. 1866. Стр. 122—125.

три мѣсяца пути. Отъ этого озера приходятъ въ большомъ множествѣ черные люди, лишенные общаго (всѣмъ) дара слова ⁴²⁾; они приносятъ съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоценныя камни, которые покупаются грустинцами и серпоновцами. Они называются (лукоморцами) отъ Лукоморіи (Lusomogua), лежащей въ горахъ, по другую сторону Оби отъ крѣпости Серпонова (Serponova). Сказываютъ, что съ людьми Лукоморіи происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, — и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24 апрѣля. Грустинцы и серпоновцы ведутъ съ ними торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ, способомъ. Ибо, когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а грустинцы и серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣнъ. Возвратясь къ жизни, (лукоморцы) требуютъ назадъ свои товары, если лукоморцы находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка: оттого возникаютъ между ними весьма часто ссоры и войны. По лѣвому берегу рѣки Оби, внизъ, живутъ каламы (Calami populi), которые переселились туда изъ Обіювы (Obiövuа и Pogosa). За Обью, у Золотой Бабы, гдѣ Обь впадаетъ въ океанъ, текутъ рѣки Сосва (Sossa), Березова (Berezova) и Данадимъ (Danadim, Надимъ?), которыя всѣ берутъ начало изъ горы Камень Большаго Пояса (Camen Bolschega Poiajsa) и соединенныхъ (съ ней) скалъ. Всѣ народы, живущіе отъ этихъ рѣкъ до Золотой Бабы, называются данниками князя московскаго. Золотая Баба (Slata Baba), т. е. золотая старуха, есть вдоль у устьевъ Оби, въ области Обдора (Obdora): онъ стоитъ на правомъ берегу. По берегамъ Оби и около сосѣднихъ рѣкъ разбѣяно много крѣпостей, которыхъ владѣтели, какъ слышно, всѣ подвластны князю Московіи. Разсказываютъ, или справедливѣе баснословятъ, что этотъ вдоль Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже снова видѣвъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того (увѣряютъ),

⁴²⁾ По толкованію Лерберга, люди, не знающіе туземнаго языка.

что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издають постоянный звукъ, въ родѣ трубнога. Если это и такъ, то, по моему мнѣнію, это дѣлается оттого, что вѣтры сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты.

«Изъ Лукоморскихъ горъ вытекаетъ рѣка Коссинь (Kossin), пра устьѣ которой находится крѣпость Коссинь; ея прежде владѣль князь Венца (knes Vuentza), а теперь его сыновья. Туда отъ истоковъ большой рѣки Коссинь два мѣсяца пути. вмѣстѣ съ этою рѣкою беретъ начало другая рѣка Кассима (Cassima) и, протекши чрезъ Лукоморію, впадаетъ въ большую рѣку Тахнинь (Tachnin), за которою, по рассказамъ, живутъ люди чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами, у другихъ собачьи головы, у иныхъ совершенно нѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь, нѣтъ ногъ, а длинныя руки. Есть и въ рѣкѣ Тахнинь одна рыба съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр.,—по виду совершенный человѣкъ, однако безъ всякаго голоса; она, какъ и другія рыбы, доставляетъ пріятную пищу»⁴³).

Герберштейнъ приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о горахъ Уральскихъ и о странѣ Лукоморіи: «Горы около рѣки Печоры называются Земной Поясъ (Semnoi Poyas), т. е. поясъ міра или земля, ибо *singulus*—порусски поясъ. Отъ озера Китай получилъ названіе ханъ Китайскій (Chan de Cathaia), котораго московиты называютъ китайскимъ царемъ. Ханъ у татаръ значитъ царь. Приморскія мѣста Лукоморіи лѣсисты; въ нихъ лукоморцы живутъ, не строя вовсе домовъ. Хотя составитель дорожника говорилъ, что весьма многія племена

---

⁴³) Записки о Московіи, стр. 125 и 126.—По поводу баснословныхъ рассказовъ о Сибири самъ Герберштейнъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Все, что я говорилъ до сихъ поръ, переведено мною дословно изъ доставшагося мнѣ русскаго дорожника. Хотя въ этихъ извѣстіяхъ нѣкоторое кажется баснословнымъ и едва вѣроятнымъ, какъ-то о нѣмыхъ людяхъ, умирающихъ и оживающихъ, о Золотой Бабѣ, о чудовищныхъ формахъ людей и о человѣкообразной рыбѣ (о чемъ я самъ старательно развѣдывалъ, но не могъ узнать ничего вѣрнаго ни отъ кого, кто бы это видѣлъ своими глазами, хотя всякій ссылался на всеобщую молву, что это дѣйствительно такъ),—тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ ничего пропустить, чтобы другимъ доставить случай глубже изслѣдовать это дѣло, почему я и употреблялъ названія мѣстъ тѣ самыя, которыя употребляются у русскихъ». (Зап. о Московіи, стр.126).

Лукоморіи подвластны князю Московскому; однако, такъ какъ вблизи находится царство Тюмень, государь котораго татаринъ и на ихъ языкѣ называется тюменскимъ царемъ (Tumenski Czar), т. е. rex in Tumen, и такъ какъ онъ не очень давно нанесъ большой уронъ московскому князю, — то правдоподобнѣе, что эти племена подвластны ему, потому что онъ имъ близкій сосѣдь ⁴⁴⁾. На рѣкѣ Печорѣ, о которой идетъ рѣчь въ дорожникѣ, стоитъ городъ и крѣпость Папинъ, или Папиновъ городъ (Papin, seu Papinowgorod), жители котораго называются папинами и имѣютъ языкъ отличный отъ русскаго ⁴⁵⁾. За этой рѣкой (Печорой) до самыхъ береговъ (океана?) тянутся высочайшія горы, которыхъ вершины по причинѣ постоянныхъ вѣтровъ совершенно голы, даже не одѣты травой. Хотя эти горы въ разныхъ мѣстахъ имѣютъ разныя названія, однако вообще называются Земнымъ Поясомъ. На этихъ горахъ вьютъ гнѣзда соколы особой породы. . . Растутъ тамъ также кедры, около которыхъ водятся самые черные соболы. Во владѣніи князя московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы, вѣроятно это тѣ, которыя у древнихъ слыли Рифейскими, или Гиперборейскими горами. Такъ какъ онѣ постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ, и переходъ черезъ нихъ очень труденъ, то вслѣдствіе этого область Енгронеландъ совершенно неизвѣстна.

«Князь московскій Василій Іоанновичъ нѣкогда послалъ черезъ Пермю и Печору двухъ своихъ воеводъ, Симеона Федоровича Курбскаго, прозывающагося такъ отъ своего наследственнаго помѣстья, изъ рода князей Ярославскихъ, и князя Петра Ушатаго (Uschatoi), для изслѣдованія мѣстъ за этими горами и для покоренія (туземныхъ) племенъ. Изъ нихъ Курбскій, въ бытность мою въ Московіи, былъ еще въ живыхъ, и на мои разспросы объ этомъ отвѣчалъ, что онъ 17 дней взбиралъ

---

⁴⁴⁾ По словамъ проф. Е. Е. Замысловскаго (Зап. ист.-фил. фак. Имп. Спб. унив., т. XIII, стр. 418), Лукоморія, гористая страна, «какъ можно догадываться, на основаніи указаній автора Записокъ о Московіи, простиралась по правой сторонѣ р. Оби, къ сѣверу отъ устья Иртыша».

⁴⁵⁾ Этотъ же городъ (Папинъ) показанъ и на нѣкоторыхъ картахъ XVII вѣка; «а потому можетъ статья, — замѣчаетъ Литке, — что и существовало въ то время какое нибудь урочище сего имени; но теперь оно вовсе неизвѣстно». (Ibidem, стр. 433).

ся на гору, которая на ихъ языкѣ называется Столпомъ (Stolp), т. е. колонной, и всетаки не могъ достигнуть ея вершины. Эта гора вдается въ океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры»⁴⁶).

Затѣмъ Герберштейнъ сообщаетъ свѣдѣнія собственно о Сибири и ея обитателяхъ: «За Камой лежатъ область Сибирь. Говорятъ, что Пермія (Permia) на востокѣ соприкасается съ татарскою областью, названіе которой Тюмень..... Область Сибирь (Sibier) граничитъ съ Пермью и Вяткой, но имѣетъ ли какія нибудь крѣпости и города, — навѣрное не знаю. Въ ней беретъ начало рѣка Яикъ (Jaick), которая впадаетъ въ Каспійское море. Говорятъ, что эта страна пустынна по причинѣ близкаго сосѣдства съ татарами, а тѣми частями ея, которыя обработаны, владѣетъ татаринъ Шихмамай. Жители ея имѣютъ особенный языкъ; ихъ главный промыселъ — бѣлчьи мѣха, которые больше и красивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; однако въ то время мы не могли достать въ Москвѣ ни одного такого мѣха»⁴⁷).

Далѣе Герберштейнъ пишетъ: «За Казанскими татарами прежде всего встрѣчаемъ татаръ, прозывающихся ногаями (Nogai); они живутъ за Волгой, около Каспійскаго моря, по рѣкѣ Яику, которая течетъ изъ области Сибири. У нихъ не цари, а князья. Въ наше время этими княжествами владѣли три брата, подѣливъ области между собою поровну; первый изъ нихъ, Шидакъ, владѣлъ городомъ Сарайчиномъ (Scharaitzick), на востокъ за рѣкою Ра, съ страной, лежащею по рѣкѣ Яику; другой, Коссумъ, обладалъ всею, что заключается между рѣками Камой, Яикомъ и Ра; Шихмамай, третій братъ, владѣетъ частью области Сибири и всею

⁴⁶) Записки о Московіи, стр. 127—128.

⁴⁷) Ibidem, стр. 129, 130 и 131.—По словамъ проф. Е. Е. Замысловскаго, извѣстія Герберштейна о Сибири указываютъ на то, что подъ именемъ этой страны «въ первой половинѣ XVI вѣка разумѣли область приуральскую, а упоминаніе о ней вслѣдъ за Югрією дозволяетъ предполагать, что по сосѣдству съ нею, именно къ югу отъ нея, лежала та обширная область, которой русскіе въ это время присвоивали названіе Сибири. На основаніи тѣхъ же извѣстій можно думать, что эта область, по первоначальному о ней представленію, занимала пространство несравненно болѣе значительное, чѣмъ то, которое занимало Сибирское царство». Съ этимъ нельзя не согласиться.

окрестною страну Шихмамай значить святой или мощной⁴⁸⁾. За Вяткой и Казанью, въ сосѣдствѣ съ Перміею, обитають татары, называющіеся тюменскими, шейбацкими и кайсацкими. Изъ нихъ тюменскіе живутъ въ лѣсахъ, и, какъ говорятъ, число ихъ не превышаетъ 10 тысячъ⁴⁹⁾.

О землѣ Югорской Герберштейнъ говоритъ слѣдующее: «Положеніе области Югры (Jugaria) явствуетъ изъ вышесказаннаго. Русскіе произносятъ (слово) Juhra съ придыханіемъ и называютъ народъ югричами (juhrici). Это та Югарія, изъ которой вышли нѣкогда венгры (Hungari), заняли Паннонію и подъ предводительствомъ Аттілы покорили многія области Европы. Московиты очень гордятся именемъ Югаріи, потому что ихъ подданные нѣкогда опустошили большую часть Европы. Въ первое мое посольство Георгій, по прозванію Малый, родомъ грекъ, во время переговоровъ, желая доказать право своего государя на великое княжество Литовское, королевство Польское и пр., говорилъ, что югары (Juhari) были подданными великаго князя московскаго и сидѣли у Меотійскихъ болотъ: что потомъ они заняли Паннонію на Дунаѣ, отчего она и получила имя Гунгаріи; что напослѣдокъ (заняли они) Моравію, названную такъ по рѣкѣ, Польшу (имя которой происходитъ отъ слова) поле (Polle), что значитъ равнина; что (наконецъ) Вуда названо ими по имени брата Аттілы. Я желалъ только передать то, что слышалъ. Говорять, что югары до сихъ поръ употребляютъ одинъ языкъ съ венграми; правда ли это, — не знаю. Ибо, не смотря на мои старательные поиски, не нашлось ни одного человѣка изъ этой страны, съ которымъ могъ бы поговорить мой слуга, знающій повенгерски. Они также платятъ дань князю мѣхами. Хотя оттуда привозятся въ Москву жемчугъ и драгоценные камни, однако они собираются не на ихъ океанѣ, а въ другомъ мѣстѣ, преимущественно же привозятся съ морскаго берега близъ устья Двины⁵⁰⁾.

«Ледовитое море на широкомъ пространствѣ тянется вдаль за Двиною до самыхъ устьевъ Печоры и Оби, за которыми, говорятъ, находится страна Енгронеландъ (?). (Судя по) слухамъ, я (думаю), что она отчуждена отъ сношеній и торговли съ нами какъ по причинѣ высо-

48) Записки о Московіи, стр. 150 и 151.

49) Ibidem, стр. 152.

50) Ibidem, стр. 130.

кихъ горъ, которыя покрыты постоянными снѣгами, такъ и вслѣдствіе постоянно плавающего по морю льда, который препятствуетъ навигаціи и дѣлаетъ ее опасною, а потому (эта страна) и неизвѣстна.⁵¹⁾

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о свѣдѣніяхъ Герберштейна о пути изъ древней Россіи черезъ Уралъ въ сѣверо-западную Азію, а также о другихъ его извѣстіяхъ объ обитателяхъ сѣверо-запада Азіи.

Хотя въ извѣстіяхъ Герберштейна о пути изъ Московіи черезъ Уралъ въ сѣверо-западную Азію встрѣчается довольно много неясныхъ или даже совсѣмъ неузнаваемыхъ названій рѣкъ и населенныхъ мѣстъ, однако и изъ того, что сообщено Герберштейномъ, видно, что русскіе въ первой половинѣ XVI столѣтія обладали достаточными свѣдѣніями о сѣверномъ пути изъ древней Россіи черезъ Уральскія горы въ Азію. По словамъ Герберштейна, у него въ рукахъ былъ даже писанный маршрутъ этого пути, откуда онъ и заимствовалъ свои свѣдѣнія⁵²⁾. Мы не станемъ подробно разбирать направленіе всего пути, о которомъ говоритъ Герберштейнъ. Укажемъ только на темныя и сбивчивыя названія нѣкоторыхъ мѣстъ.

⁵¹⁾ Ibidem. стр. 179—180.

⁵²⁾ Изъ русскаго дорожника, — говоритъ проф. Е. Е. Замысловскій, — перевелъ Герберштейнъ на латинскій языкъ описаніе пути въ Печору, Югру и къ р. Оби, заключающее въ себѣ рядомъ съ баснословными разсказами и достовѣрныя данныя о наиболѣе значительныхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Сѣверный океанъ, о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ странахъ, прилегающихъ къ Уральскому хребту, и о животныхъ, которыя водятся въ этихъ странахъ. Когда именно было составлено это описаніе, — неизвѣстно. Можно, однако, съ достовѣрностью предполагать, что въ XVI вѣкѣ, до 1526 года, когда Герберштейнъ во второй разъ прибылъ въ Москву, или существовало нѣсколько описаній пути къ рр. Печорѣ и Оби, или одно, первоначально составленное, описаніе этого пути имѣло нѣсколько редакцій, такъ какъ еще во второй половинѣ XV вѣка русскіе, по повелѣнію великаго князя, предпринимали нѣсколько походовъ въ Югорскую землю. Такъ въ 1491 г. имъ были посланы на р. Печору Андрей Петровъ и Василій Ивановъ Болтинъ, съ нѣмцами Иваномъ и Викторомъ искать серебряной руды, и „они нашли“, какъ сказано въ лѣтописи, „руду серебряную и мѣдную въ великаго князя отчинѣ, на р. на Цыльмѣ“.... По всей вѣроятности, эти лица составили описаніе пути, ими пройденнаго. Переведенное на латинскій языкъ Герберштейномъ описаніе пути къ рр. Печорѣ и

Говоря о морскомъ пути отъ устья Кулоя до устья рѣки Мезени, Герберштейнъ сообщаетъ, что при этомъ приходится проплывать мимо слѣдующихъ мѣстъ (possessiones): Stanuvuische, Calunczscho, Arnu, Chorogoski Nosz, Camenckh и Tolstickh. При первомъ взглядѣ, эти названія непонятны; можетъ быть, при внимательномъ изслѣдованіи и возможно будетъ отереть, что разумѣлось въ то время подъ этими терминами. Пока можно только предполагать, что эти названія означали незначительныя самоѣдскія и русскія прибрежныя поселенія или даже пустыя, вовсе не населенныя пристани, гдѣ какъ на станціяхъ остававались суда, шедшія отъ рѣки Двины къ рѣкѣ Печорѣ. Затѣмъ есть нѣкоторая сбивчивость въ извѣстіяхъ Герберштейна о пути, лежавшемъ черезъ такъ называемый Пезскій волокъ. Пеза со своимъ волокомъ издавна служила важнымъ путемъ сообщенія между Мезенью и Печорою. По этому волоку еще въ концѣ XV вѣка прошелъ съ войскомъ на Печору воевода князь Ушатый. Пеза образуется изъ слиянія рѣкъ Рочуги и Самосары. Обѣ составныя вѣтви рѣки Пезы берутъ начало на водораздѣлѣ Мезенской и Печорской рѣчныхъ областей. Въ верховьяхъ Рочуги находится Пезскій волокъ, 15-ти-верстный путь, ведущій черезъ упомянутый водораздѣлъ съ рѣки Рочуги на рѣку Чирку, притокъ Цыльмы, впадающей въ Печору. По мнѣнію ученыхъ, подъ встрѣчающимися у Герберштейна названіями Piesza (Пеза) и Piescoya (Пезская) должно разумѣть одну и ту же Пёзу, подъ именемъ Rubicho — верховую рѣку Пезы, Рочугу, подъ названіемъ Circho — рѣку Чирку, притокъ Цыльмы.

Составители дорожника передавали Герберштейну, что между устьями рѣкъ Щугора и Подчерема есть крѣпость Strupili, гдѣ купцы, путешествовавшіе за Уралъ, отдыхали и складывали свои съѣстные запасы. Какое мѣсто нужно разумѣть подъ Strupili, сказать трудно. Путь отъ устья Щугора до Ляпинскаго городка означенъ пунктами, теперь также неизвѣстными: «Отъ устья Щугора вверхъ порѣкѣ до Poiassa (?), Artavuische (?), Cameni (?) и большой Poiassa (?) три недѣли пути. Потомъ на гору Камень (Camen) нужно всходить три дня; спустившись съ нея, идутъ къ рѣкѣ Artavuischa (?), потомъ

Оби впервые знакомятъ Западную Европу со странами, ей совершенно неизвѣстными». См. Зап. ист.-фил. факульт. Имп. С.-Петербург. унив., т. XIII, изслѣдованіе о Герберштейнѣ проф. Е. Е. Замысловскаго, стр. 84.

къ рѣкѣ Sibut (?), оттуда къ крѣпости Lerin (Ляпинъ) ⁵³⁾. Названія рѣкѣ Artavuischa и Sibut не напоминаютъ намъ названій какихъ нибудь извѣстныхъ рѣкѣ. Рѣка Обь, по извѣстіямъ Герберштейна, вытекаетъ изъ огромнаго озера Китая, подѣ которымъ разумѣлось, по всей вѣроятности, озеро (норъ) Дзайсангъ, или Зайсанъ, называвшееся у русскихъ Китайскимъ. Такимъ образомъ, не Иртышъ, а Обь вытекаетъ, по свѣдѣніямъ того времени, изъ Норъ Зайсана. Трудно допустить, чтобы Герберштейнъ подѣ верховьями своей рѣки Обу разумѣлъ настоящую Обь, а не Иртышъ. Въ случаѣ же, если допустить, что свѣдѣнія Герберштейна о верховьяхъ Оби были вѣрны, то придется Герберштейново Китай-озеро принимать только за Телецкое. Но это, какъ кажется, мало вѣроятно, такъ какъ Телецкое озеро есть небольшое нагорное озеро, изъ котораго притомъ же рѣка Обь не вытекаетъ ⁵⁴⁾. Вслѣдствіе такого смѣшенія Оби съ Иртышомъ, Герберштейнъ, какъ кажется, Тоболъ съ Турою принимаетъ за Иртышъ, на которомъ онъ означаетъ города Тимен (Тюмень, Чинги-тура) и Тегон (Еромъ, Неромъ, по объясненію Лерберга, городъ на мѣстѣ нынѣшняго Верхотурья). При этомъ Герберштейнъ говоритъ, что Еромомъ и Тюменью управляютъ князья югорскіе. Но въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ о Московіи онъ же говоритъ, что въ Тюмени живетъ татарскій ханъ, который у русскихъ называется тюменскимъ царемъ ⁵⁵⁾. Относительно этого разногласія въ извѣстіяхъ Герберштейна можно сдѣлать такого рода предположенія. Или писатель говоритъ объ одной и той же Тюмени, — въ такомъ случаѣ лучше придется извѣстіе его о томъ, что въ Тюмени живетъ князь югорскій, совершенно игнорировать какъ невѣрное и допустить, что онъ говоритъ объ извѣстныхъ мѣстахъ тюменскихъ, гдѣ имѣли мѣсто пребываніе сибирскіе ханы и султаны; или же, какъ кажется, будетъ лучше принять существованіе двухъ Тюменей: одна Тюмень на Тавдѣ — югорская остяцкая, другая на Турѣ — татарская.

⁵³⁾ Записки о Московіи барона Герберштейна. Съ латинскаго базельскаго изданія 1556 года перевелъ А. Анонимовъ. Спб. 1866. Стр. 124.

⁵⁴⁾ Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири А. Милдендорфа. часть I, отд. I, стр. 32, о Герберштейновой Оби.

⁵⁵⁾ Записки о Московіи, стр. 127.

Извѣстія о серпоновцахъ и грустинцахъ ⁵⁶), объ обитателяхъ Лукоморіа, умирающихъ 27 ноября и оживающихъ 24 апрѣля, о странной, нѣмой торговлѣ, которую они ведутъ съ серпоновцами. о каламахъ, живущихъ по нижнему теченію Оби на лѣвомъ ея берегу и вышедшихъ изъ Обіовы (Obiovua) и Погозы (Pogosa), о Золотой Бабѣ, о рѣкѣ Кослиѣ и крѣпости того же имени, въ которой владѣтелемъ былъ когда-то какой-то князь Венца (knes Vuentza), послѣ котораго въ этомъ мѣстѣ князьями сдѣлались его сыновья, о рѣкахъ Кассимѣ и Тахинѣ, объ уродливыхъ людяхъ, живущихъ за этой рѣкой, и о человѣкообразныхъ рыбахъ, водящихся въ этой рѣкѣ,—всѣ эти извѣстія или неясны, или отличаются совершенною баснословностію. Только названія: Sossa, Berezvua, Danadim, Obdora, Cassima, напоминаютъ названія рѣкъ: Сосва, Березва (Березовая), Надымъ, Казымъ, и названіе остяцкаго древняго селенія или области Обдора ⁵⁷); при этомъ, однако, неизвѣстно, гдѣ слѣдуетъ искать рѣку подъ именемъ Березва (Березовая).

---

⁵⁶) Грустинцы, по мнѣнію Лерберга (Ислѣдованія, стр. 33) —гаустины, «о которыхъ говоритъ Страленбергъ въ описаніи Сибири и остатокъ которыхъ отъ 200 до 300 душъ мужескаго пола нашелъ онъ близъ Томска живущими въ жилищахъ: они были татары, идолопоклонники. Въ Сибирской исторіи упоминается о нихъ при построеніи Томска въ 1604 г. Здѣсь названы они еуштинцами и также показаны въ числѣ 300 человѣкъ; и тогда еще считали они себя главнѣйшимъ народомъ тамошней страны. Мнѣніе наше, что сіи еуштинцы или гаустины суть грустинцы,—говоритъ Лербергъ,—подтверждается тѣмъ, что мы здѣсь находимся въ такой области, которая нѣкогда не токмо въ Сибири, но и у южныхъ аціатцевъ была въ великой славѣ, по хорошему состоянію жителей оныя. Внизъ отъ Томска приходятъ по Оби въ Нарымъ. Здѣсь нѣкогда была славная Пѣгая орда, на которую въ 1592 г. по царскому повелѣнію, ходили войною казаки и вскорѣ послѣ того завоевали оную». См. Зап. ист.-фил. факульт. Имп. Спб-скаго универс., т. XIII, изслѣдованіе проф. Е. Е. Замысловскаго о сочиненіи Герберштейна, стр. 419—420.

⁵⁷) Проф. Замысловскій говоритъ (Зап. ист.—фил. фак. Имп. Спб-скаго унив., т. XIII, стр. 438): «Obdora—область въ которой находится идоль Золотая Баба, стоящій на правомъ берегу Оби, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ океанъ. Это опредѣленіе (Герберштейна) подтверждается и тѣми данными, которыя находятся въ книгѣ Большой Чертежъ: «А на Оби

Вообще, вѣтаки, нужно сказать, что записки Герберштейна о Московіи въ свое время сообщили много новыхъ данныхъ, особенно по гидрографіи Сѣвернаго бассейна. «Записки о Московіи», — говоритъ проф. Е. Е. Замысловскій, — даютъ до двадцати девяти рѣчныхъ названій этого бассейна, а сочиненія о Московіи, появившіяся въ печати до 1549 года, — всего только три названія. Всѣ Герберштейновы извѣстія по гидрографіи того же бассейна относятся къ той части его, предѣлы которой составляютъ р. С. Двина на западѣ и р. Обь на востокѣ. Изъ рѣкъ, текущихъ на западъ отъ С. Двины, ни одна даже не поименована, хотя, повидимому, свѣдѣнія объ этихъ рѣкахъ могли быть переданы Герберштейну тѣми посланными въ Данію толмачами, которые совершили туда путешествіе черезъ Бѣлое море. Но и безъ этихъ свѣдѣній, сообщенныя въ Запискахъ о Московіи извѣстія о сѣверныхъ рѣкахъ восточно-европейской равнины, а также и о р. Оби, должны быть признаны замѣчательными, такъ какъ они были новыми въ западно-европейской географической литературѣ и впервые дали понятіе о наиболѣе значительныхъ рѣкахъ нашего сѣвера ⁵⁸).

Герберштейнъ для поясненія своихъ Записокъ о Московіи составилъ географическую карту, которая была издана (Гирсфогелемъ) въ 1546 году за три года до изданія Герберштейнова путешествія. Въ этой картѣ сравнительно съ описаніемъ путешествія нѣтъ никакихъ особенныхъ указаній относительно сѣверо-запада Азіи ⁵⁹).

Упомянемъ объ одной старинной картѣ, относящейся къ предмету, насъ интересующему. Западно-европейскій писатель, Себастьянъ Мюнстеръ, присоединилъ къ своему сочиненію небольшую карту, на которой въ первый разъ Россія представлена отдѣльно. Себастьянъ Мюнстеръ составилъ Космографію, сборникъ всѣхъ ученыхъ свѣдѣній своего времени о мірѣ ⁶⁰). Эта Космографія рѣкъ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее пали, отъ устья вверхъ Обдорскіе грады». Къ этимъ градамъ, вѣроятно, принадлежало и нынѣшнее село Обдорскъ, Тоб. губерніи, Березовскаго округа, въ 6 верст. отъ впаденія р. Полуя въ Обь, подъ 66° 31' сѣв. шир. и 84° 15' вост. долготы».

⁵⁸) Ibidem, стр. 150—151.

⁵⁹) Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, Миддендорфа, стр. 32.

⁶⁰) Обстоятельный обзоръ свѣдѣній о древней Россіи Себастьяна Мюнстера читатель найдетъ въ статьѣ проф. Е. Е.

въ полстолѣтіе выдержала 12 изданій. Появилась она въ первый разъ въ 1544 году. По словамъ академика Миддендорфа, «на восточномъ углу упомянутой карты мы видимъ и частичку Сибири, съ низовьемъ Оби въ необыкновенномъ обиліи водъ, видимъ и безымянный притокъ ея по направленію рѣки Тавды, которое разительно, хотя, по всей вѣроятности, лишь случайно соотвѣтствуетъ ея изгибу на нынѣшнихъ картахъ. На этой рѣкѣ или, можетъ быть, на самой Оби значится древній городъ Сибирь (Sybir), а дальше вверхъ по рѣкѣ стоитъ другой городъ, еще больше, но безъ имени, напоминающій своимъ положеніемъ нынѣшній Пелымскъ»⁶¹).

Трудно сказать, откуда взялась эта небольшая карта Сибирской земли. По всей вѣроятности, она была составлена на основаніи свѣдѣній какого нибудь путешественника, побывавшаго въ Московіи. Только можно съ увѣренностью сказать, что упомянутая карта не заимствована у Герберштейна, такъ какъ есть большая разница между этой картой и картой Герберштейна. На картѣ послѣдняго, по словамъ Миддендорфа, не обозначенъ городъ Сибирь; зато является у него Уралъ подъ именемъ пояса земли—*singulus terrae* или даже *mundi*, рѣзительно между Европой и Азіей. Имена же рѣкъ: *Ussa* (Уса), *Vischa* (Вишера), *Sossa* (Сосва) и *Sczuchogoga* (Щугоръ), свидѣлствуютъ о довольно ясномъ представленіи о путяхъ, которые вели тогда въ Сибирь черезъ Уральскія горы. Въ первый разъ здѣсь обозначенъ Иртышъ⁶²).

VIII.

Рафаэль Барберини.

Въ описаніи путешествія въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году заключаются кое-какія свѣдѣнія о горахъ Рифейскихъ (Уральскихъ) и о татарахъ сибирскихъ. Приведемъ эти свѣдѣнія, замѣтивъ, что они не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ указанными нами другими путешествіями, и являются почти только повтореніемъ однихъ и тѣхъ же небогатыхъ фактическими данными и даже баснословныхъ рассказовъ

Замысловскаго: «Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссеи и Московіи Себастьяна Мюнстера», въ Журн. Мин. Н. Пр., ч. ССХІ, 1880, сентябрь. Къ сожалѣнію, намъ не удалось воспользоваться этой статьёй при составленіи настоящаго очерка.

⁶¹) Путешествіе Миддендорфа, стр. 30.

⁶²) *Ibidem*, стр. 31 и 32.

о Зауральскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, до эпохи завоеваній Ермака.

О горахъ Рифейскихъ Барберини пишетъ: «Многопремного сутокъ надо плыть рѣкой Двиною, чтобы доплыть до того мѣста, гдѣ находятся знаменитыя Рифейскія горы, для открытія которыхъ, сказывалъ мнѣ одинъ русскій, были посланы стцемъ нынѣшняго повелителя Руси (т. е. великимъ княземъ Василиемъ) отецъ этого русскаго и многіе другіе. и сказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ вошли они на самое высокое мѣсто этихъ горъ, и какъ, запасшись въ этотъ путь всѣмъ необходимымъ, взбирались пѣшкомъ семнадцать дней на поверхность хребта. Горы эти, какъ сказываютъ, утесисты и бесплодны, и водятся на нихъ только бѣлые соколы. чрезвычайно отважные и сильные. Я видѣлъ ихъ, — говоритъ Барберини, — въ Москвѣ у государя, который чрезвычайно ихъ уважаетъ за храбрость»⁶³). Въ другомъ мѣстѣ описанія своего путешествія Барберини говоритъ о тѣхъ же Рифейскихъ горахъ: «Во многихъ суткахъ пути отъ рѣки Двины, у Златой Бабы (Slata Baba) находятся Рифейскія горы, именуемыя Поясомъ Мира, и тѣ, которые тамъ бывали, сказываютъ, что взбирались на нихъ пѣшкомъ семнадцать дней; что состоятъ онѣ изъ отвѣсныхъ и нагихъ утесовъ, и что водятся на нихъ бѣлые соколы, именуемые кречетами (girifalchi), которые привозятся въ Москву»⁶⁴).

О татарахъ Сибирскаго царства Барберини сообщаетъ слѣдующія извѣстія: «За этими же (т. е. Рифейскими) горами находится царство сибирскихъ татаръ; народъ этотъ покоренъ Московію и находится у нея въ подданничествѣ; поклоняется истукану какой то старухи, которую зовутъ Золотою Бабою (Slata Baba); нѣтъ у нихъ домовъ или постоянныхъ жилищъ, но всегда разѣзжаются кругомъ въ саняхъ, по снѣгамъ и лѣсамъ, промысля звѣриною ловлею. Но преимущественно вывозятся оттуда богатѣйшіе соболи, и когда наступитъ пора собственно для ловли этихъ звѣрковъ, что бываетъ весной, когда природа одѣваетъ ихъ самымъ пушистымъ мѣхомъ, звѣроловы, отправляясь на охоту, дѣлаютъ сначала обѣщанія своей богинѣ, что первый мѣхъ со звѣря, котораго убьютъ, привезутъ ей въ благодарность, лишь бы только поблагодарила имъ на ловлѣ, и

⁶³) Сынъ Отечества, 1842, кн. VII. Спб. Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году. Стр. 30—31.

⁶⁴) Ibidem, стр. 39.

уже свято соблюдаютъ свой обѣтъ; такимъ образомъ столько тамъ всякихъ мѣховъ на нее навьючиваютъ, что даже эти мѣха просто загниваются. Отправясь же на ловлю, пробываютъ тамъ столько времени, сколько именно продолжится у нихъ мясная порція изъ животныхъ, которыхъ ежедневно налавливаютъ, и тѣмъ они живутъ. Я разговаривалъ, — пишетъ Барберини, — и даже ѣлъ съ двумя такими звѣроловами, которые были при дворѣ, по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта вся состояла въ разномъ пушномъ товарѣ, въ большомъ количествѣ. Сами же они были одѣты въ камзолахъ и исподнемъ платьѣ, пошитыхъ изъ оленьихъ шкуръ съ шерстью, и съ длинными глухими рукавами, впрочемъ, съ прорѣхой внизу для свободного просова руки оттуда, когда нужно; на головѣ тоже мѣховыя шапки, и притомъ еще длинный мѣховой тулупъ поверхъ всего. Они были высокаго роста, но безъ краски въ лицѣ и безъ бороды, почему собственно походили болѣе на старухъ; впрочемъ, это, сказываютъ, происходитъ вообще отъ постоянныхъ тамъ холодовъ. Въ этомъ (т. е. Сибирскомъ) царствѣ протекаетъ всего одна рѣка, но которая, какъ сказываютъ, чрезвычайно широка, такъ что съ трудомъ можно переѣхать черезъ нее въ одинъ тамошній день; называется она Обь (Obi), и сказываютъ, что вытекаетъ изъ одного большаго озера Каттая (Cattajo), въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и главный каттайскій городъ, именуемый Канбулики (Cانبuliche)⁵⁾.

Продолжая передавать содержаніе своей бесѣды съ двумя упомянутыми татарами, Барберини приводитъ, со словъ этихъ рассказчиковъ, а также пользуясь свѣдѣніями и другихъ лицъ, разные басни о чудовищныхъ или странныхъ народахъ, обитавшихъ далѣе за рѣкою Обью. «По сказанію же тѣхъ двухъ татаръ.... есть, помнится, — пишетъ путешественникъ, — за этой рѣкою (т. е. за Обью) еще какой-то народъ, именуемый лукомирами (Lucimori), которые въ ноябрѣ мѣсяцѣ становятся такими флегматиками, что вытекаетъ у нихъ въ большомъ количествѣ какая-то клейкая матерія черезъ поры, въ особенности носомъ, такъ что захватываетъ имъ дыханіе, и тогда погружаются они въ глубокой сонъ до апрѣля мѣсяца! Находя это довольно страннымъ и чуднымъ, я смѣялся тому; но татары мнѣ клялись, что это сущая правда, и я, однакожь, не довольствуюсь

⁵⁾ Ibidem, стр. 31—32.

этимъ, разспрашивалъ о такой диковнякѣ еще у разныхъ лицъ, которыя всѣ мнѣ отвѣчали, что дѣйствительно ходить такая молва, и что всѣ, кто ни прїѣдетъ оттуда, подтверждаютъ это. Рассказывали они мнѣ также, хотя и вообще я слышалъ, что за этими лукоморами находится еще большая рѣка, именуемая Таханинъ (Tachanin), въ которой находятся будто бы рыбы совершенно похожія на человѣка, т. е. имѣютъ всѣ тѣ же члены, только покрытые чешуею, какъ у прочихъ рыбъ. На берегахъ же этой рѣки есть огромные лѣса съ чудовищными народами, у которыхъ голова звѣриная, съ глазами во лбу; тамъ находятся также и другія тому подобныя чудовища, о которыхъ, впрочемъ, не имѣютъ болѣе никакого свѣдѣнія»⁶⁶.

Наконецъ Барберини упоминаетъ въ своемъ сочиненіи еще объ одной группѣ сибирскихъ татаръ и приводитъ свѣдѣнія о какомъ-то странномъ животно-растеніи, встрѣчающемся въ землѣ названныхъ татаръ. Барберини пишетъ: «Есть еще народъ, близъ Персидскаго моря (mar di Persia) по Волгѣ: это такъ называемые сибирскіе татары (Tatari Zibiri); и въ этой землѣ, какъ сказываютъ, протекаетъ рѣка Тайхъ (Taich), а между нею и Волгою произрастаетъ будто бы особаго рода сѣмя, похожее на сѣмена дыни, съ тою разницею только, что оно немного покруглѣе, и производитъ плодъ похожій на ягненка (simile a un agnello). Стебель у него выходитъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатыя; роговъ нѣтъ: передняя часть какъ у раковъ, которыхъ ѣдятъ, а задняя мясо; живутъ они, пока имѣютъ вокругъ себя пищу; а называютъ ихъ баранцамп (baranez), что значитъ: ягнята. И я видѣлъ, — утверждаетъ Барберини, — шапки мѣховыя, которыя, какъ сказывали мнѣ утвердительно, были изъ шкуръ этого животноаго»⁶⁷.

Не можемъ сказать, по поводу чего именно созданъ этотъ баснословный рассказъ о растеніи-животномъ. Также не находимъ возможнымъ найдти рациональных объясненій и другимъ приведеннымъ баснямъ путешественника Барберини о разныхъ чудовищныхъ народахъ.

IX.

Александръ Гваньини.

Итальянецъ Александръ Гваньини (1538—1614), бывшій на службѣ у Стефана Баторія, оставилъ объеми-

⁶⁶) Ibidem, стр. 32—33.

⁶⁷) Ibidem, стр. 38.

стыя компіляціі (*Sarmatiae Europaeae descriptio*. Кр. 1578, I edit.), заключаюція свѣдѣнія о Москвѣ и, по отзыву К. Н. Бестужева-Рюмина, представляюція мало интереснаго ⁶⁸⁾. Въ сочиненіи Гваньини, въ статьѣ *Omnium regionum Moscoviae descriptio* (Описаніе всѣхъ земель Московскихъ), находятся кое-какія свѣдѣнія о Сибири вообще и въ частности объ Югрѣ, Обдорѣ, Кондорѣ, Лукоморіи и объ идолѣ Золотой Старухи, или, какъ говорятъ другіе писатели, Бабы. Нужно замѣтить, что всѣ эти свѣдѣнія Гваньини довольно неопредѣленны, сбивчивы, баснословны и большею частію служатъ повтореніемъ того, что уже сообщено другими писателями, какъ, напримѣръ Герберштейномъ, говорившимъ о томъ же предметѣ. Для сравненія съ другими извѣстіями о сѣверѣ Азіи нелишне, однако, привести и свѣдѣнія Гваньини.

О землѣ тюменскихъ татаръ Гваньини только замѣчаетъ, что «съ Пермью граничитъ Тюменское царство, которымъ владѣетъ татаринъ» ⁶⁹⁾.

О Сибирской землѣ Гваньини сообщаетъ: «При рѣкѣ Камѣ, между Пермской и Вятской землями, находится Сибирская земля, въ которой совсѣмъ нѣтъ городовъ и крѣпостей. Въ этой землѣ беретъ начало большая рѣка Яикъ, которая, пройдя по татарскимъ областямъ, вливается въ Каспійское море. Обитатели Сибирской земли говорятъ на своемъ особенномъ нарѣчій; хлѣба они не употребляютъ, но питаются мясомъ звѣрей. Жители добываютъ для продажи разные мѣха (послѣдніе у нихъ превосходнѣйшаго качества); мѣхами же они платятъ дань великому князю московскому. Сибирская область почти вся покрыта болотами и лѣсами; и, какъ говорятъ, благодаря сосѣдству татаръ, эта страна болѣе чѣмъ на половину совсѣмъ необитаема» ⁷⁰⁾.

Объ Югорской землѣ Гваньини пишетъ: «Область Югра, или Юра, жители которой называются югры, или югричи, расположена при Сѣверномъ океанѣ. Разказы-

⁶⁸⁾ К. Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія. Томъ I. Спб. 1872. Стр. 184.

⁶⁹⁾ *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*. Collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus de Starczewski. Volumen I. Berolini et Petropoli. 1841. Vn. Alexandri Guagnini Veronensis: *Omnium regionum Moscoviae descriptio*. Pag. 13.

⁷⁰⁾ *Ibidem*, стр. 13—14.

вають, что, вслѣдствіе неплодородія этой области, изъ нея нѣкогда вышли венгры и заняли Паннонію. Говорятъ, что они, оставивъ родныя мѣста, сначала поселились при Меотійскихъ болотахъ; затѣмъ перешли къ рѣкѣ Дунаю, въ Паннонію. Послѣдняя область, по имени венгровъ, называлась сначала Югаріей, а затѣмъ Венгріей. Подъ предводительствомъ Атиллы венгры завоевывали многія области въ Азіи и Европѣ. Поэтому московиты очень много похваляются, заявляя, что нѣкогда бывшіе ихъ подданные опустошали Германію, Италію и Грецію, и весь міръ приводили въ трепеть. Туземцы этой области платятъ дань великому князю московскому; говорятъ они одинаковымъ съ венграми языкомъ⁷¹⁾.

О землѣ Обдорской Гваньини сообщаетъ ниже слѣдующія свѣдѣнія; при этомъ писатель особенно распространяется объ идолѣ Золотой Старухи (по другимъ писателямъ, Золотой Бабы). «Обдорія, — пишетъ Гваньини, — получила названіе отъ протекающей по этой области рѣки Оби. Послѣдняя беретъ начало изъ одного очень большого озера, называемаго Китайскимъ; течетъ Обь по направленію съ востока на сѣверъ; впадаетъ въ Сѣверный океанъ шестью устьями. При городѣ Обби рѣка эта такъ велика, что въ ширину имѣетъ 16 польскихъ миль, или 80 московскихъ верстъ, и въ этомъ мѣстѣ съ трудомъ въ 2 дня можно переплыть черезъ рѣку на парусномъ суднѣ при сильномъ попутномъ вѣтрѣ; рѣка эта такъ изобилуетъ рыбой, что послѣдняя мѣшаетъ свободному движенію весель. По берегамъ Оби живутъ вогуличи и югричи. Они охотятся на различнаго рода звѣрей, мясомъ которыхъ питаются (такъ какъ съ употребленіемъ хлѣба они незнакомы), а мѣхами платятъ дань князю московскому⁷²⁾.

Объ идолѣ Золотой Старухи Гваньини пишетъ: «Въ Обдорской области, недалеко отъ устья рѣки Оби, находится одинъ очень древній идолъ, высѣченный изъ камня; московитяне называютъ его Золотой Бабой, т. е. *aurea anus*. Это есть изображеніе старой женщины, держащей одного ребенка у себя на колѣняхъ, а другаго подлѣ, съ боку; послѣдній ребенокъ, по объясненію туземцевъ, — ея внукъ. Этотъ идолъ пользуется почитаніемъ у обдорянъ, югричей, вогуличей и у другихъ сосѣднихъ народовъ; они жертвуютъ идолу самые луч-

⁷¹⁾ Ibidem, стр. 14.

⁷²⁾ Ibidem, стр. 15.

шіе и цѣнные собольи мѣха, а также дорогія шкуры другихъ звѣрей; самыхъ хорошихъ оленей закалываютъ для принесенія въ жертву идолу. Кровью жертвеннаго животнаго мажутъ лице, глаза и вообще всего идола, а сырыя внутренности жертвы съѣдаютъ. Во время жертвоприношенія жрецъ спрашиваетъ идола, что жителямъ нужно дѣлать, или куда слѣдуетъ переселяться. Идолъ же (удивительное дѣло!) обыкновенно даетъ вопрошающему вѣрные отвѣты и безошибочно предсказываетъ о предстоящихъ обстоятельствахъ. Рассказываютъ также, что въ горахъ, находящихся по сосѣдству съ этимъ идоломъ, раздаются звуки и звоны (boatus), какъ будто бы играютъ на трубахъ. Мнѣ же кажется, что это не что иное, какъ какіе нибудь инструменты, съиздавна положенные въ горахъ, или подземные каналы, устроенные самой природой, въ которыхъ вслѣдствіе постоянного вѣянія вѣтровъ происходятъ непрерывные звуки, звоны и шумъ. Выше по рѣкѣ Оби, влѣво, на равнинѣ обитаетъ народъ калымы, платящіе дань князю московскому. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья рѣки Оби и отъ того мѣста, гдѣ стоитъ идолъ Золотой Старухи, протекаетъ очень много большихъ рѣкъ, какъ-то: Иртышъ, Березва, Сосса, Тахиниъ, Данадимъ, и много другихъ рѣкъ, берущихъ начало въ горахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пояса Земли. Говорятъ, что обитатели, живущіе по берегамъ этихъ рѣкъ до того мѣста, гдѣ находится идолъ Золотой Старухи, и до самаго Сѣвернаго океана, платятъ дань великому князю московскому»⁷³⁾.

Область Кондора, по описанію Гваньини, представляетъ слѣдующее: «Эта область расположена при Сѣверномъ океанѣ, граничитъ съ Обдорской землей. Кондора почти вся покрыта лѣсами и рѣками; жители говорятъ на особенномъ нарѣчій; они вмѣстѣ съ обдорянами почитаютъ идолъ Золотой Старухи; пищей служатъ имъ мясо всякаго рода звѣрей, имѣющихся у нихъ во множествѣ, а различными шкурами они платятъ дань князю московскому. Въ этой области совсѣмъ нѣтъ ни городовъ, ни укрѣпленій, ни селъ. Названіе области внесено въ титулъ князя московскаго, именующаго себя княземъ Кондоріи»⁷⁴⁾.

О землѣ Лукоморіи писатель сообщаетъ: «Лукоморская земля занимаетъ большое пространство близъ Сѣ-

⁷³⁾ Ibidem, стр. 15.

⁷⁴⁾ Ibidem, стр. 15.

вернаго океана; жители ея не строятъ себѣ домовъ, а обитаютъ въ лѣсахъ и на поляхъ. Смежно съ этой землей живутъ серпоновцы и грустинцы, которые получили такое названіе отъ крѣпости Грустины, расположенной при Китайскомъ озерѣ, изъ котораго беретъ начало вышеупомянутая рѣка Обь. Отъ этого озера обыкновенно приходятъ къ крѣпости Грустинѣ черные люди, не понимающіе туземнаго (communis) языка; они приносятъ сюда различные товары, преимущественно же драгоценные камни (uniones, gemmas lapidesque pretiosos), которые приобретаются грустинцами и серпоновцами въ обмѣнъ на разные предметы. Обитатели Лукоморіи, также какъ грустианцы съ серпоновцами, и всѣ другіе народы, какіе только живутъ за рѣкою Обью и за Китайскимъ озеромъ, а также по рѣкамъ: Сосса, Березва, Данадимъ и Тахнинъ, вплоть до Ледовитаго океана, — всѣ эти народы считаются данниками великаго князя московскаго. Еще о нѣкоторыхъ народахъ, обитающихъ въ Лукоморіи, рассказываютъ нѣчто странное и невѣроятное. Такъ говорятъ, будто бы они ежегодно, съ 27 ноября, предъ наступленіемъ сильныхъ зимнихъ холодовъ, умираютъ подобно пьявкамъ (переводимъ слово *hirudines* вмѣсто *hirundines*, ласточки, какъ напечатано въ текстѣ) и лягушкамъ. Потомъ, какъ говорятъ, съ наступленіемъ весны 24 апрѣля, они вновь оживаютъ. Рассказываютъ еще, что эти же люди съ грустинцами и серпоновцами, сосѣдними съ ними народами, вѣдуть торговля сношенія слѣдующимъ образомъ: какъ только эти народы почувствуютъ, что имъ пора уже умирать, они въ извѣстныхъ мѣстахъ раскладываютъ свои товары; грустинцы же и серпоновцы забираютъ эти товары, оставляя въ томъ же мѣстѣ свои товары равной стоимости. Лукоморскіе же народы, возвратившись къ жизни, берутъ вмѣсто своихъ эти товары, если послѣдніе покажутся имъ равноцѣнными; если же оцѣнка сдѣлана несправедливо, лукоморцы свои товары требуютъ назадъ отъ грустинцевъ и серпоновцевъ; изъ-за этого, какъ говорятъ, между ними весьма часто происходятъ споры и драки. Въ горахъ Лукоморскихъ беретъ начало большая рѣка Коссинъ, которая, пройдя чрезъ Лукоморію, изливается тоже въ большую рѣку Тахнинъ. Въ рѣкѣ же Тахнинѣ, какъ говорятъ, водятся рыбы, которыя напоминаютъ человѣка головою, глазами, носомъ, лицомъ, руками и ногами, но не имѣютъ никакого голоса. Также рассказываютъ, что за этой рѣкою живутъ люди чудовищнаго вида, изъ которыхъ одни, подобно

звѣрямъ, покрыты жесткими волосами, другіе же, съ собачьими головами, обитаютъ въ подземныхъ пещерахъ»⁷⁵).

Изъ обзора свѣдѣній западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ о сѣверной Азіи видно, что русскіе и Западная Европа до послѣдней четверти XVI столѣтія знали очень немногое о сѣверной Азіи и ея обитателяхъ. При этомъ свѣдѣнія ихъ далеко не отличались точностью, не были положительными, и даже въ большинствѣ случаевъ оказывались баснословными. Только со времени Ермака, начавшаго эпоху русскихъ завоеваній на сѣверо-западѣ Азіи, эти страны стали выходить изъ мрака и дѣлаться извѣстными любознательному міру, а до того времени онѣ почти въ буквальномъ смыслѣ были *terrae incognitae*.

---

⁷⁵) Ibidem, стр. 15—16.

